

От составителя

Сборник “Текст и его единицы в функциональной парадигме” подготовлен к 85-летию со дня рождения известного московского лингвиста и философа Михаила Николаевича Правдина и является второй частью издания, посвященного памяти ученого. Книга состоит из двух разделов. В первом, научном разделе данного сборника представлены статьи учеников Михаила Николаевича – бывших аспирантов Университета дружбы народов, а также статьи учеников его учеников, живущих в России и Украине и развивающих его идеи. Во второй раздел включены воспоминания о Михаиле Николаевиче его учеников и родных.

Научное наследие М.Н. Правдина относительно невелико по объему: им опубликованы книги “Логика и грамматика”, “Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке”, статьи в ж. “Вопросы языкознания” и других периодических изданиях России и Украины.

Лингвофилософские идеи, развиваемые М.Н. Правдиным и его последователями, не получили широкого распространения в науке о языке и в известном смысле являются альтернативными как по отношению к традиционному структурализму, так и по отношению к зарождающемуся антропоцентрическому направлению в лингвистике. Более подробный их анализ см. в предисловии к первой части данного двухтомника. Во второй части представлены статьи, в которых использование в научной практике методологических положений, разработанных М.Н. Правдиным, связано главным образом с исследованием художественных текстов в различных аспектах, с изучением несвободной сочетаемости, с анализом истоков функционализма в трудах ученых прошлого, в частности – В.П. Сланского, спорными вопросами концепции Соссюра, а также с методикой преподавания русского языка как иностранного.

Михаил Николаевич был тесно связан с лингвистами и методистами Украины, в частности, с харьковскими учеными. Он был активным участником 10 международных научных конференций по актуальным проблемам семантических исследований, проходивших в Харьковском национальном педагогическом университете имени Г.С. Сковороды с 1980 по 2000 годы, неоднократно

Памяти Учителя

*Посвящается 85-летию со дня
рождения
Михаила Николаевича Правдина*

ТЕКСТ И ЕГО ЕДИНИЦЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Киев

“Українське видавництво”

2013

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Т.30

Текст и его единицы в функциональной парадигме: Сборник, посвященный 85-летию со дня рождения М.Н. Правдина / Сост. И.И. Степанченко. – Киев: “Українське видавництво”, 2013. – 122 с.

В сборнике представлена школа известного московского лингвиста М.Н. Правдина. В книгу включены написанные в разные годы статьи его учеников и учеников его учеников, живущих в России и Украине и развивающих теоретические взгляды ученого. Адресован аспирантам, студентам, преподавателям, всем, кто интересуется проблемами лингвистики. В приложении публикуются воспоминания о М.Н. Правдине.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор **В.А. Глушенко** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего, германского и славянского языкознания Донбасского государственного педагогического университета;
А.Т. Гулак – доктор филологических наук профессор Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды.

Авторы и составитель выражают искреннюю благодарность УАПРЯЛ и ее президенту проф. Л.А. Кудрявцевой за финансовую помощь в издании сборника.

ISBN 966-95963-78

© “Українське видавництво”, 2013
© И.И. Степанченко – составление,
предисловие, 2013

истин и установлений, словно к какому-нибудь корану, в котором даже помыслить смертному что-нибудь изменить или с чем-нибудь не согласиться было бы страшным преступлением и по отношению к которому вся наша обязанность должна состоять лишь в том, чтоб только проповедовать его и истолковывать, строго настроено наблюдая при этом, чтобы как-нибудь не уклониться от первобытного, подлинного смысла истолковываемого.

Мы же полагаем, что если где, то здесь нам действительно бы нужно, прежде чем хлопотать о методах, позаботиться о критическом пересмотре и переделке содержания науки, самих ее понятий. Одна забота о методе тут ровно ни к чему не послужит в силу той простой причины, что чепуха, по каким бы прекрасным методам она ни излагалась и не разъяснялась, все равно останется чепухой”⁸.

“Метод”, который имеет в виду здесь В.П. Сланский, это сравнительно-исторический метод, действительно совершивший своеобразный “переворот” в русской грамматической науке середины и второй половины XIX в. и нашедший себе применение и в школьной грамматике⁹.

С этой точки зрения, резко, но, на наш взгляд, справедливо критикует В.П. Сланский современные ему грамматики. Причем, в число критикуемых грамматик следует включить не только уже указанные логико-грамматические руководства К. Говорова, К.Д. Ушинского и подобные им, но и сравнительно-исторические грамматики И.И. Срезневского, К.С. Аксакова, А.Х. Востокова и других.

В 1876 году критика этих грамматик для В.П. Сланского еще не “самоцель”, не анализ грамматики как науки о языке. Такое понимание грамматики придет к В.П. Сланскому значительно позже – в 1882 году¹⁰. Пока же его грамматические труды выполняют своеобразную прикладную задачу – быть частным примером доказательства порочности существующей в это время логики как науки о мышлении. Поэтому в самом начале своей первой грамматической работы он говорит о том, что в России не существует не только логического образования, но и самой науки логики и на частном примере грамматики доказывает это.

Можно даже предположить, что “Две экскурсии”

встречался с преподавателями русского языка как иностранного многих харьковских вузов, публиковал свои статьи в журнале “Русская филология. Украинский вестник”, читал лекции студентам-филологам.

Авторы будут благодарны за отзывы о сборнике. Контактный e-mail: istepanchenko@rambler.ru

В.П. СЛАНСКИЙ И ЕГО “ГРАММАТИКА”

Академик В.В. Виноградов в свое время отмечал, что в сущности все работы В.П. Сланского “написаны на одну тему и имеют одно содержание, одну цель, представляя собой критику синтаксической системы Ф.И. Буслаева и в той или иной степени близких к ней современных автору учебных грамматик и грамматических руководств” (К. Говорова, К.Д. Ушинского и др.)¹. В “сущности” это так, но в этом общем положении скрываются такие “нюансы”, в которые, на наш взгляд, следует внести ясность.

1. В первой своей грамматической работе В.П. Сланский сформулировал цель следующим образом: “У нас не существует логического образования и даже самой науки логики. Многократно уже мы обращали внимание читателей на этот, в высшей степени печальный и многовредный, по нашему мнению, факт². Но до сих пор наши заявления относительно его имели больше характер одних общих указаний и разъяснений. Мы теперь хотим обратиться к частностям и на них, от времени до времени, давать видеть читателям как непреувеличенную справедливость этого общего факта, так и те грустные последствия, которые из него вытекают”³.

Кажется, что целевая установка этой работы вообще никак не связана с грамматикой. Но В.П. Сланский продолжает: “На чем прежде всего и яснее всего должно сказаться то или другое состояние логических понятий, так это, конечно, на области понятий грамматических.

Что грамматика – наиболее близкая и сродная логике наука, что какое бы то ни было осмысленное разъяснение грамматических понятий без обоснования их на логических понятиях – вещь совершенно немыслимая, что в основе своей, да и во всей системе – грамматика прямо-таки чисто логическая наука, – это, полагаем, не нуждается в доказательствах или разъяснениях.

Так вот и посмотрим прежде всего, какого рода логика

сказывается у нас здесь в этой области”⁴.

В.В. Виноградов признает взаимосвязь логики и грамматики, считает правомерным сопоставление логических и грамматических категорий⁵, тем не менее, ему представляется отрицательным то, что В.П. Сланский “ограничился” постановкой и разъяснением общего вопроса о соотношении логических и грамматических элементов в предложении⁶. К тому же и “общий путь”, указанный В.П. Сланским для создания новой синтаксической теории, “был далек от все более укреплявшегося тогда принципа историзма в языкознании”⁷.

Между тем, сам В.П. Сланский убедительно, на наш взгляд, обосновывает свое обращение к общим теоретическим вопросам русской грамматики и “ограничение” своей работы именно этими вопросами.

По этому поводу он пишет буквально следующее: “В настоящее время между многими учорами, делаемыми новой педагогией, особенно часто можно слышать такой, что новая педагогия исключительно почти заботится о методах преподавания, мало обращая внимания на достоинство самого материала преподавания.

Не знаем, как в отношении к чему другому, но вот что касается грамматики, то здесь этот упрек должен быть только усилен до полной решительности и категоричности, чтобы он был без преувеличения справедлив. Новое педагогическое движение захватило в своем потоке и область этого предмета и произвело в нем резкий и всем известный переворот. Но, невзирая на свою резкость, переворот этот имеет лишь видимость такового.

Переворот ограничился единственно только внешней стороной дела, даже не коснувшись существа его, ограничился только именно методом обучения, оставив нетронутым содержание науки, саму систему понятий, излагающихся в ней.

Как бы искони, так и по настоящую минуту система грамматических понятий в том самом виде, как она вышла из рук чуть не бабушки-схоластики, или там какой еще более древней бабушки, – хранится у нас в неприкосновенности, приличествующей только какой-нибудь святыне: мы относимся к этой системе – словно к какому-нибудь божественному кодексу

направлены в “разные стороны”: первая – на приобретение (заучивание) знаний, вторая – на воспитание мысли.

Сам В.П. Сланский высказывается по этому поводу следующим образом: “У нас слишком мало знаний и знающих людей, “ это, конечно, несомненный и слишком печальный факт. Но не менее несомненно также и то, что у нас слишком много *лишних* (выделено автором – Ю.М.) знаний и слишком много людей, у которых и есть знания, да совсем им ни к чему эти знания.

Трудно сказать, что хуже: то ли, если школа слишком мало выпускает людей знающих, или то, если из нее слишком много выходит людей с совершенно лишними знаниями”²³.

В этом своеобразном парадоксе необходимо определить значение, которое В.П. Сланский вкладывает в слова **знание**, **знающий человек**.

Выше мы указывали, что идеал человека для В.П. Сланского – умственно развитый человек. Под умственно развитым человеком он имеет в виду человека с аналитически развитым умом. Ум для В.П. Сланского – это не “хорошо организованное знание”²⁴, не объем полученных знаний, а умение анализировать объективную действительность, самостоятельно выводить новые знания.

Именно это он имеет в виду, когда говорит об отсутствии “знающих” (т.е. умеющих самостоятельно мыслить) людей и о наличии “лишних” знаний. Все его последующее (после выхода в свет его первой и “программной” статьи “Воспитание мысли”) творчество направлено на поиски путей воспитания мыслящего человека.

Грамматические труды В.П. Сланского соответствовали этому направлению. Он считал, что неумение разделять логику и грамматику, мысль и словесное ее выражение всегда приводило и приводит к “маскированному пустословию”²⁵, к софистике и схоластике.

Взятые в целом, все эти взгляды В.П. Сланского обусловили его отношение к грамматике.

Известно, что до появления трудов А.А. Потемни русская грамматика была, если можно так выразиться, нормальной наукой. Вся ее задача заключалась в обучении навыкам правильного

задумывались и разрабатывались В.П. Сланским именно и только как подобный пример рассмотрения логики через призму грамматики. Доказательством может служить хотя бы то соображение, что если “Две экскурсии” появились как закономерное продолжение цикла уже вышедших в свет логических и психологических работ 1873, 1874 и 1875 годов, то “Коренная ошибка грамматик”, в которой рассматривается уже грамматика со стороны логики, вышла из печати только в 1878 году, т.е. через два года после появления “Двух экскурсий в область русской грамматики”¹¹.

Кроме того, нельзя оставлять без внимания и того факта, что заголовок “Двух экскурсий” в общем не соответствует содержанию этой работы в том смысле, что свет увидела фактически только одна “экскурсия”. По-видимому, после опубликования первой из двух “экскурсий” произошло переосмысление цели этой работы автором: для русской лингвистики (да и логики) необходимы были не “экскурсии” в область русской грамматики, а серьезный, глубокий и обстоятельный анализ этой науки. Тогда-то и появилась сформулированная много позже задача, во-первых, “в наиболее наглядных и характерных деталях выставить факт несостоятельности принятой грамматической системы”, во-вторых, “попытаться выяснить причины и сущность этой несостоятельности”, и, наконец, “хотя бы в общих чертах наметить и путь, каким данная система могла бы быть выведена из теперешнего ее ненормального положения и поставлена на настоящую, истинно научную и отвечающую педагогическим требованиям дорогу”¹².

Существуют и более важные факты, подтверждающие истинность нашего предположения.

2. С самого начала своей педагогической деятельности (1866) и несколько позже “с начала теоретической деятельности (1873) “ В.П. Сланский является “чистым” логиком и психологом, педагогом, поставившим перед собой цель разработать методику воспитания “нового человека” для “нового общества”. Для него несомненно, что серьезное “умственное развитие в человеке порождает потребность общепользующей деятельности”¹³.

Последнее для него – критерий человеческого счастья и критерий оценки человека. С этой стороны В.П. Сланский был одним из тех “мыслящих реалистов”, на деятельность которых возлагал свои надежды Д.И. Писарев, разрабатывая свою теорию “химической” революции, теорию преобразования общества путем умственного и нравственного развития его членов.

Важное место в этой теории отводилось “воспитанию” мысли, но “воспитание мысли” требует знания механизма мышления. Последнее определяет то пристальное внимание, которое уделяется В.П. Сланским логике, психологии, языковедению и словесности. Две первые науки, с точки зрения В.П. Сланского, должны объяснить структуру, характер и механизм действительного познающего мышления, две вторые призваны воспитывать ум, развивать анализирующую способность познающей мысли.

С самого начала педагогической деятельности В.П. Сланский отказывается от тех программ и способов преподавания всех указанных наук, которые действовали в это время в духовных и светских учебных заведениях России. Его не удовлетворяла софистика и схоластика этих программ и методов. Формальная логика, основанная на исследовании языковых структур, и умозрительная психология не могли, по мнению В.П. Сланского, привести ни к познанию действительного мышления, ни к его “воспитанию”.

Инспектор Зинченко, проводивший ревизию в Курской духовной семинарии в 1870 году, где до января 1870 года работал преподавателем логики и словесности В.П. Сланский, писал: “Половина уроков В. Сланского по словесности, судя даже по оглавлениям (в журнале курской духовной семинарии. – Ю.М.) есть скорее чтения по логике, чем по словесности”¹⁴.

Тематика уроков по словесности сводилась В.П. Сланским к следующему: понятие о том, что такое общее или отвлеченное и частное или конкретное; объяснение понятия об отвлеченном и конкретном на смысле слов или названий; понятие о роде и виде; взаимное отношение между родами и видами; наконец, – *общее понятие о том, что значит доказывать мысль*¹⁵ (курсив наш – Ю.М.).

“Из выданных записок видно, – пишет далее Зинченко, – что наставник (В.П. Сланский – Ю.М.) при своих чтениях руководствовался главным образом логикой Милля¹⁶.

По распоряжению ректора нынешний наставник¹⁷ с начала нынешнего года, изложив теорию стихосложения и дав понятие о безыскусной или народной поэзии, начал чтение о родах и видах поэзии художественной, то есть о том, о чем указывает II глава программы, утвержденной Святейшим Синодом”¹⁸.

Судьба уроков по логике, как указывает Зинченко, почти такова же, как и по словесности. Судя по записям в классном журнале, В.П. Сланский “держался в своих чтениях логики Милля и Тренделенбурга”¹⁹.

За три месяца (октябрь-ноябрь-декабрь) он успел только сообщить ученикам сведения о суждении и его составных элементах. Развитие этих частей такое: о субъективном и объективном характере явлений внешнего и внутреннего мира; об отношениях тех и других к нашему существу; о главных характеристических чертах субъекта сознания как необходимых условиях сознания и всего того процесса, в котором состоит мышление; о характеристических чертах частных явлений; об общих или отвлеченных предметах; о процессе, который называется обобщением или отвлечением; о том, что такое представление и понятие; о главном практическом выводе из данного прежде понятия о предметах отвлеченных; о том, что делается в акте суждения; о суждениях словесных и суждениях реальных и о реализации словесных предложений; о том, каким образом прежде данное понятие о суждении вообще как о сознании отношений между предметами приложимо к тем суждениям, которые, по-видимому, противоречат ему²⁰.

Программа обучения логике В.П. Сланского, направленная на практическое, действительное мышление, “воспитывающая”, развивающая мысль учеников²¹, сменилась программой, утвержденной Святейшим Синодом, программой, направленной на заучивание уже существующих классификаций и категорий формальной логики²².

Из сопоставления программ семинарского обучения и программы и содержания обучения В.П. Сланского видно, что они

Во всякой другой науке, считает В.П. Сланский, можно, кажется, сказать, что задача преподавания сводится лишь к тому, чтобы отобрать материал преподавания и как следует передать его ученикам. В “отношении к грамматике и словесности это совсем не так: тут самый источник, из которого “приходится черпать преподавателю”, самая система понятий, которые он должен сообщить и объяснить, представляет нечто “антипедагогическое”, “антинаучное”, нечто такое, что можно сообщить и разъяснить, разве, что называется, “зажмурив глаза”, отказавшись от всяких притязаний на самостоятельное понимание и уяснение сообщаемого ученикам материала, действуя “слепо”, “машинально”, “по установленному шаблону”³⁷.

При малейшей попытке со стороны преподавателя отнестись к делу осмысленно и поставить учащихся в “скольконибудь разумное отношение к преподаваемому”, это преподаваемое тотчас же приходит в “разложение” и превращается в “гниль и прах”, и само как-будто напрашивается уже не на то, чтобы сообщать его и объяснять, а чтобы тут же перед учениками “разоблачать его и отбрасывать”³⁸.

Анализ основных положений одной из названных наук – грамматики – составляет предмет новой работы В.П. Сланского.

Перед автором стоит задача, во-первых, “выставить в наиболее рельефных деталях тот общий характер несостоятельности, какой представляет принятая система грамматических понятий; затем уяснить причины и сущность этой несостоятельности, и, наконец, хоть в общих чертах, наметить и путь, каким названная система могла бы быть выведена из теперешнего ее ненормального положения и поставлена на настоящую, научную и отвечающую педагогическим требованиям дорогу”³⁹.

В общих чертах эту работу В.П. Сланского можно передать его же тезисами, которые были переданы на обсуждение Ученой комиссии Педагогического музея после прочтения автором указанных пяти научных бесед:

1. Принятая система грамматических понятий, при малейшем прикосновении к ней критика, оказывается крайне несостоятельною и даже преисполненною прямых

выражения мыслей²⁶. Потребность объяснения языковых явлений удовлетворялась описанием связей логических и грамматических категорий. При этом нередко одни явления описывались в терминах других явлений. Последнее обуславливало смешение или даже отождествление тех и других. Получался своеобразный заколдованный круг: логические категории описывались через языковые формы, а языковые формы определялись через логические категории.

А.А. Потебня просто вышел из этого “круга” – отказался от объяснения структуры языка через структуру логики, признав, что последняя никак не соотносится с первой, иначе поступил В.П. Сланский. Он “находит нужным выделять и рассматривать в виде особого вопроса вопрос о способах словесного выражения логических процессов, чему обыкновенно не дается места в логиках”²⁷. Разъяснение этого вопроса отчасти достигается им уже “при рассмотрении главных вопросов” (логики – Ю.М.), но затем на него “обращается и особое внимание”²⁸.

“Мы считаем, – говорит В.П. Сланский, – непременно нужным это особое выяснение данной стороны предмета, во-первых, в виду надобности указания и выяснения качеств, какими должно обладать в логическом отношении словесное выражение мыслительных процессов, а затем и главным образом в силу того соображения, что только таким способом достижимы в учащихся ясное и твердое понимание грани, отделяющей в мыслительных процессах их чисто умственные элементы от элементов словесного выражения, и навык и умение в учащихся в каждом случае самим отличить как в своих собственных, так и в чужих мыслительных действиях эти две стороны в них.

Важность этой последней цели сама собою уже, кажется, определяется из того обстоятельства, что в нашей мыслительной деятельности не только тогда, когда она выражается прямо уже в форме устной или письменной речи, а и когда только совершается в уме нашем – ее чисто умственные элементы слишком тесно всегда связываются с элементами словесными, – в такой степени тесно связываются, что смешение тех и других элементов, по крайней мере при более или менее отвлеченных предметах мышления, является не только возможною, а и почти неизбежною

вещью, раз наш ум не вооружен прямым и твердым навыком к отличению тех и других элементов.

А между тем, слишком тесно связываясь, логические и словесные элементы в мыслительном процессе в то же время представляют и существенно разнородные между собой элементы, а отсюда естественный результат, что, во-первых, смешение тех и других элементов существенно затрудняет, если даже не исключает, самую возможность надлежащего понимания процессов, а затем это-то смешение и является источником и составляет сущность того аномального и зловредного направления мысли, которое на высших ступенях его развития называется схоластическим”²⁹.

Развитию этих идей о соотношении логических и словесных элементов в мыслительных процессах посвящены статьи В.П. Сланского “Маскированное пустословие” и “Две экскурсии в область русской грамматики”.

Вторая работа вызвала резко отрицательное отношение к ней критиков, обвинивших автора в “логицизме”³⁰, и В.П. Сланский решает в определенном смысле “оправдаться”. Предметом исследования становится не грамматика в связи с анализом логики, а сама грамматика как наука о языке.

3. В основу своей новой работы В.П. Сланский положил результаты предыдущей.

“На страницах “Семьи и школы”, – пишет он в 1878 году, – нами были помещены замечания насчет существующей системы грамматических понятий³¹, – замечания, которые, надеемся, давали основания к заключению, что названная система должна в самой своей основе носить какую-то фальшь, что в самой исходной точке зрения на предмет, выразившейся в ней, должны лежать условия к неправильному и превратному пониманию дела. Заключение это будет вполне согласовываться с действительностью: да, фальшь действительно коренится в самой основе. Разъяснением этой коренной фальши мы и хотим теперь заняться”³².

Грамматика, по мнению В.П. Сланского, в том виде, в каком она существует в учебной практике, представляет собой “любопытный и, вероятно, единственный пример науки, которая,

невзирая на необычайную давность своего существования, до сих пор не уразумела – в чем ее задача”³³.

Она смешивает свой предмет с другим – с предметом логики, правда, существенно и неразрывно связанным с первым, но не менее существенно и отличающимся от него, и во всяком случае “совсем особым предметом”³⁴.

В.П. Сланский подчеркивает, что грамматика “смешивает” эти предметы, а не “соединяет”, потому что “взаимное соединение того и другого предмета в понимании – вещь, существенно необходимая для основательности и правильности понимания обоих”. Грамматика именно “смешивает”, то есть не различает границ, отделяющих один предмет от другого, и потому все, что относится к одному, считает принадлежностью обоих, и сообразно с этим строит и развивает свои понятия.

Обстоятельство это в мышлении и в речи имеет своим последствием “пустословие”, софистику и схоластику, в грамматике же не позволяет строго научно, непротиворечиво объяснить структуру и сущность языка.

В выяснении границ предмета логики и предмета грамматики видит В.П. Сланский выход из создавшегося положения.

К 1882 году В.П. Сланский, по-видимому, окончательно утверждает в этом своем мнении и соответственно изменяет и целевую установку всей работы: с самого начала упор делается на анализ грамматики как науки о языке. Но и здесь грамматика, как и словесность, рассматривается с точки зрения воспитания действительного познающего мышления.

С этой новой своей работой В.П. Сланский выступает на заседаниях Педагогического музея военно-учебных заведений³⁵.

“В числе преподаваемых в школах наук, – говорит на этот раз автор, – есть две, относительно которых, прежде чем хлопотать о каком-нибудь их изложении и преподавании, следовало бы пожелать, чтоб они были заново и радикально переделаны, то есть лучше сказать, чтобы было совершенно устранено то, что существует у нас под именем этих наук и взамен выработано и введено что-нибудь новое. Эти две науки – грамматика и словесность”³⁶.

требующейся мысли.

Все это составляло бы работу, которая с точки зрения ставимой теперь задачи для разборов речи должна бы быть признана совершенно излишним и только напрасно задерживающим и затрудняющим выяснение дела трудом. Но мы теперь можем уже, кажется, сказать, что в этом-то “излишнем” труде и состоит единственный путь, каким может быть достигаемо в каждом случае настоящее грамматическое разъяснение существа предложения. Грамматический же вопрос в применении к каждому случаю и состоит, собственно, в вопросе о способе, каким именно словесные – звуковые и смысловые – элементы служат к передаче тех или других логических актов”⁴⁸.

Но эта работа новая по отношению к той, которая выполнена В.П. Сланским. К тому же не следует забывать, что его “Грамматика” задумывалась и писалась не как самостоятельная, действительная грамматика, не как учебное руководство для тех, кто так или иначе изучает русский язык. Она возникла в русле учения В.П. Сланского о воспитании действительной познающей мысли, и задачей ее было лишь указание на принцип отделения категорий языка от категорий мышления. Именно это нужно было В.П. Сланскому для того, чтобы определить, каким образом следует “выделять и рассматривать в виде особого вопроса вопрос о способах словесного выражения логических процессов”, вопрос, которому обыкновенно “не дается места в логиках”.

Хотя более частные грамматические вопросы как таковые В.П. Сланского не интересовали и ему достаточно было только “самым общим образом наметить путь к выяснению дела”, он сумел в своем основном грамматическом труде затронуть и частично разрешить очень много таких вопросов, которые оказались чрезвычайно актуальными для лингвистики XX в.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. – М., 1958. – С. 306.

2. См., напр., его работы “Воспитание мысли”, “Маскированное пустословие” и мн. др. – “Семья и школа”, 1873-1874.

несообразностей и противоречий;

2. Причина несостоятельности заключается в том, что в системе не выделяется непосредственное, собственно грамматическое, от посредственного или логического значения в словах, а смешиваются то и другое значения; а потому и исправление системы должно быть прежде всего обусловлено устранением из нее указанного смешения.

3. Устранение из системы указанного смешения не может быть достигнуто одними какими-нибудь оговорками или дополнениями к существующим понятиям, а требует непременно радикального изменения понятий, то есть лучше сказать, замены старых понятий новыми.

4. С намеченным изменением системы должно неизбежно при прохождении науки связываться не менее тоже существенное изменение практических разборов речи, в смысле внесения в эти разборы разграничения непосредственного и посредственного значения в словах.

5. Для осуществления предлагаемого изменения в постановке предмета вообще потребовалось бы гораздо большее участие в изучении его здоровых и точных логических понятий, чем как это признается нужным теперь, и всему вообще разъяснению грамматических понятий должно бы предшествовать выяснение соответственных понятий логических.

6. Предлагаемое изменение в постановке предмета, кроме того побуждения, что им устранилось бы оказываемое в настоящее время аномальное влияние на естественный смысл учащихся, представляется еще как средство придать настоящей науке, даже в средних учебных заведениях, истинно научный характер и занятиям его высокое общеобразовательное значение”⁴⁰.

Во время прений к этим положениям и в качестве разъяснения их было прибавлено еще два тезиса:

“7. Изучение частей речи труднее, чем изучение ее логического строения, а потому первое должно быть венцом, а не началом курса.

8. Выделение словесных представлений от представлений логического характера сообщило бы то воспитательное значение предмету, о котором говорит Дж. Ст. Милль”⁴¹.

По заключению Комиссии, “тезисы г. Сланского, говоря вообще, отвечают современному направлению языкоучения и находят себе полное оправдание в трудах филологов (Потебни и др.).

Тем не менее, сразу перестроить преподавание по требованиям современной науки невозможно, как по неразработанности ее самой, так и по неподготовленности массы преподавателей к ее восприятию в руководство и, наконец, по практической невыясненности применения новых научных взглядов по языкоучению к уровню развития учеников средних учебных заведений”⁴².

Комиссия ответила, что преподавание совершенствуется постепенно, и следы его совершенствования ясно видны, нужно время и нужны средства для дальнейшего улучшения преподавательского состава.

С сожалением Комиссия отметила тот факт, что последний ныне не прогрессирует, а скорее падает, поэтому мало сказать “делайте лучше”, нужно указать и примеры, как делать лучше, как применить новую теорию к учебной практике. Таких желательных образцов пока нет, и “г. Сланский оказал бы услугу делу, дав хоть небольшую часть курса, разработанную в смысле его требований”⁴³.

Во всяком случае, “полезность доклада г. Сланского неоспорима, так же как и неоспорима полезность частого обмена мыслей между преподавателями, обмена сведений о новых научных трудах, которые не все имеют возможность и время прочитать”⁴⁴.

В.П. Сланскому выражена признательность Комиссии за его доклад, а также за его “полезный и энергичный труд, выразившийся в данном ряде научных бесед о грамматике”. Вместе с этим было выражено желание видеть эти беседы напечатанными. Было отмечено, что вопрос, поднятый В.П. Сланским, вопрос новый и ознакомиться с ним путем чтения несравненно полезнее, чем путем слушания экспромтом⁴⁵.

Пожелание Комиссии было выполнено, и в 1883 году доклад был напечатан в журнале “Педагогический сборник”, а в 1886 году вышел отдельным изданием⁴⁶.

4. Комиссия, как мы видели, изъявила желание видеть “хоть бы небольшую часть курса, разработанную в смысле требований В.П. Сланского”.

Позже В.В. Виноградов писал: “Самому В.П. Сланскому не удалось разрешить этой задачи (построить грамматическую теорию, основанную на принципе, им самим выдвигаемом – Ю.М.). Он не оставил развернутого учения о структуре разных видов предложений русского языка. Нет в его работах и позитивной теории, замещающей отвергнутую им старую логико-грамматическую концепцию второстепенных членов предложения. Неясно, как взгляд В. Сланского на отношение “логических актов” и грамматических элементов речи может быть применен к одночленным предложениям и к разным эмоциональным фразам разговорной речи”⁴⁷.

Но В.П. Сланский и не ставил перед собой такой задачи. Ему важно было указать на принцип соотношения логики и грамматики, на необходимость и важность как для грамматики, так и для логики разграничения логического и грамматического элементов речи, на способ их соотношения и взаимосвязи, на грань, отделяющую первую от второй.

Автор сам указывает, что “при различении в самом смысле предложений грамматических или словесных элементов от элементов логических от нас, для полного выяснения существа предложения, потребовалось бы *в каждом случае* (курсив наш – Ю.М.) разъяснение, каким же образом словесные элементы, по непосредственному своему значению всегда почти расходящиеся с элементами передаваемых логических мыслей, служат, тем не менее, к передаче последних, и это разъяснение составило бы очень сложную и новую против исполняемых теперь разборов речи работу.

Для разъяснения потребовалось бы, очевидно, во-первых, в каждом случае подвергать анализу логическую, передаваемую предложением мысль, затем – особому анализу непосредственное выражение слов в предложении и потом уже, на основании того и другого анализа, потребовалось бы выяснение, как же именно элементами последнего выражения слов передаются элементы

но количество языковых средств, участвующих в актах коммуникации в определенный период истории народа, представляет собой относительно обозримый объем. Он обусловлен как уровнем культурного развития народа, так и состоянием науки о языке, призванной не только описать реальные единицы функционирующего языка, но и дать рекомендации к его лучшему использованию в среде носителей данного языка. От того как строит наука свой подход к языку, зависит степень познания его носителями и через это – степень дальнейшего его поступательного развития. Вместе с этим развивается и сама наука о языке, и взгляд ее на язык со временем меняется.

К настоящему времени лингвистическая наука накопила немалый опыт в изучении и описании функционирующих языков. Основная цель лингвистики для всех времен состояла в поисках такой системы взаимодействия выразительных средств языка, которая могла бы наиболее полно и непротиворечиво служить целям общения людей в их повседневной деятельности. Отбор языковых фактов для построения такой системы происходит обычно с помощью оценочных критериев “правильно/неправильно”. Языковые факты, получившие с тех или иных позиций оценку “правильно”, занимают место в языковой системе и получают описание в словарях, грамматиках, нормативных рекомендациях. Таким образом, сложилось понятие лингвистической “правильности”, которое понимается как соответствие данного языкового факта законам данной языковой системы.

Основания для оценки были различные в разные периоды существования науки о языке: логические, формальные, психологические, структурные. В зависимости от этого преобразовывалось и расширялось понимание лингвистической правильности, знания о языке обогащались новыми сведениями. Однако, сосредоточившись на описании лингвистической “правильности”, лингвисты как бы забыли о второй половине критерия оценки – “неправильности”. Языковые факты, оцениваемые как “неправильные”, из рассмотрения лингвистами исключались. В лучшем случае они привлекались для описания в

3. Сланский В.П. Две экскурсии в область русской грамматики. – “Семья и школа”, кн. 2, ч. 1, 1876, № 2. – С. 124.

4. Там же.

5. См.: Сланский В.П. Введение в грамматическое учение о слове // Русский язык. Грамматическое учение о слове и др. работы.

6. См.: Виноградов В.В. Указ. соч., с. 329.

7. Там же.

8. Сланский В.П. Цит. соч., с. 125.

9. См., напр.: Пуле М. де. Об историческом изучении русского языка. Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей / Сост. Ф. Буслаев. –М., 1858; “Современник”, 1859, № 8, т. 76, отд. III, с. 237-254.

10. В этом году он читает в Педагогическом музее военно-учебных заведений пять научных лекций, посвященных теоретическим вопросам русской грамматики.

11. Сланский В.П. Коренная ошибка грамматик. – “Семья и школа”, 1878, № 1-5, кн. 2, ч. 1, с. 163-170, 171-201.

12. Сланский В.П. Что такое есть и чем должна быть грамматика // “Педагогический сборник”, часть неоф. 1883, № 4, С. 279.

13. Сланский В.П. Новый способ разъяснения дедукции // “Педагогический сборник”, часть неоф., 1892, № XI, с. 416.

14. “Дело по отчету Титулярного Советника Зинченко о проведенной им ревизии в 1870 году по Курской епархии”. Центральный государственный исторический архив (Ленинград), фонд № 802, опись № 9, дело № 9.

15. См.: Там же.

16. Имеется в виду: Милль Д.С. Система логики. Т. 1-2. СПб, 1865-1867.

17. В декабре 1869 года В.П. Сланский был отстранен от службы в курской духовной семинарии за слишком “реалистический” образ мыслей, который несомненно влиял на образ мыслей учеников (см. “дело” по отчету Зинченко). В 1870 году словесность преподавал другой учитель.

18. См.: “Дело” по отчету Зинченко.

19. Зинченко имеет в виду “Логические исследования Адольфа Тренделенбурга”. Ч. 1-2. М., 1868. Однако он ошибается:

материалист В.П. Сланский не мог “держаться” учения идеалиста А. Тренделенбурга (материалистическими тенденциями отличается теория Сланского и от теории позитивиста Д.С. Милля).

20. См.: “Дело” по отчету Зинченко.

21. См.: Сланский В.П. Воспитание мысли // “Семья и школа”, 1873, № 2, с. 59-92; № 3, с. 197-226.

22. См. работы Бахмана К.Ф. и Карпова В.Н.

23. Сланский В.П. Педагогические афоризмы // “Семья и школа”, 1873, № 10, с. 549.

24. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. – СПб., 1869. – С. 425.

25. См.: Сланский В.П. Маскированное пустословие. – “Семья и школа”, 1873, № 6, с. 3-23; № 7, с. 99-125.

26. См. об этом, напр.: О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 11 и далее.

27. Сланский В.П. Новый способ разьяснения дедукции // “Педагогический сборник”, 1892, № 12. – С. 548-549.

28. Там же.

29. Там же, № 2, с. 134.

30. См.: Рецензия Ф. Булгакова // “Педагогический музей”, 1887, № 2.

31. Имеются в виду “Две экскурсии в область русской грамматики”.

32. Сланский В.П. Коренная ошибка грамматик // “Семья и школа”, 1878, № 1-5, кн. 2, ч. 1. – С. 163.

33. Там же.

34. Там же.

35. После “удаления от службы” в курской духовной семинарии /без права дальнейшего преподавания/ В.П. Сланский переезжает в С.-Петербург и поступает на работу в Государственный контроль. Но педагогика – это основное дело В.П. Сланского. В Петербурге он становится членом С.-Петербургского педагогического общества, а после роспуска этого общества (за несогласие с политикой Министерства народного образования) – членом Педагогического музея.

36. Сланский В.П. Что такое есть и чем должна быть грамматика? // “Педагогический сборник”, часть неоф., 1883, №4. – С. 279-280.

37. Там же, с. 280.

38. Там же.

39. Там же.

40. Краткий обзор деятельности Педагогического музея от 1 января 1883 года по 1 мая 1884 года. – СПб., 1885. С. 23-24.

41. Там же. Здесь имеется в виду “Речь об университетском образовании и воспитании” Д.С. Милля. (Новейшее образование, его истинные цели и требования. Сборник статей в защиту научного воспитания профессоров Тиндаля, Даубени и др. Составлено Эдвардом Юмансом. Перевод с английского, с предисловием М.А. Антоновича. СПб., 1867).

42. Краткий обзор деятельности Педагогического музея, с. 25.

43. Там же.

44. Там же.

45. См.: Там же.

46. Сланский В.П. Грамматика – как она есть и как должна бы быть. – СПб., 1886.

47. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса, с.327.

48. Сланский В.П. Грамматика – как она есть и как должна бы быть, с. 112.

(Статья впервые была опубликована в кн.: Общее и русское языкознание. Сборник научных трудов / Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. – М., 1978. – С. 116-131)

П.А. Карезин

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ “ПРАВИЛЬНОСТИ/
НЕПРАВИЛЬНОСТИ” КАК ВНУТРЕННЕЕ СВОЙСТВО
ЯЗЫКОВОГО ФАКТОРА

Функционирующий язык беспределен в своих проявлениях.

нарушена. Глагол “ушли” не может управлять прямым объектом. В то же время данная фраза правильна в ситуативном, реальном аспекте. В некоторой ситуации она единственно возможна, чтоб отразить истинное положение вещей. Использование более “правильных” в грамматическом отношении конструкций потребовало бы большей многословности. “Правильность/неправильность” в пределах этих выражений может быть выражена графически следующим образом:

языковой факт	
неправильно грамматика	правильно логика + смысл

Из сопоставления двух схем, полученных нами, можно сделать такие заключения: 1) оценка “правильно” или “неправильно” относится не ко всему языковому факту, а к различным аспектам его содержательной структуры; 2) один и тот же аспект содержательной структуры языкового факта может быть выражен и как “правильный”, и как “неправильный”; 3) как “правильность”, так и “неправильность” совместно участвуют в создании структуры содержания языкового акта.

В рассмотренных нами примерах эти выводы касаются грамматического и логического аспектов языкового факта. Это можно соотнести с давно известным в лингвистике положением о несводимости логики и грамматики в пределах языка, о непокрываемости грамматических структур логическими и наоборот. Только здесь эти положения утверждаются для одного языкового факта, а не выводятся из сравнения, как это делалось обычно. Специфическим для наших схем будет то, что в области правильного всегда остается смысл, смысловой аспект языкового факта. В одном случае этот аспект связан непосредственно с языковой формой, в другом – с реальностью. Это приводит к размышлению, могущему иметь два вывода. Или существуют разные по природе смыслы: одни – соотносимые с реальными фактами и не выражающиеся в грамматической форме или выражающиеся в ней с “ошибкой”, другие – соотносимые с

качестве иллюстраций, оттеняющих языковую “правильность”, да еще в качестве исключений. Создается впечатление однобокости такого подхода к “диалектически противоречивому явлению” – языку. Поэтому, вероятно, справедливы упреки в позитивизме, зачастую адресуемые различным лингвистическим школам.

Современное состояние лингвистической теории, в первую очередь советского языкознания, владеющего всесильной методологической базой – диалектическим материализмом, вплотную подводят к мысли обратить внимание и на вторую сторону языковых явлений, ту, которая с позиций современных представлений о языке получает оценку “неправильно”, но которая в то же время является той оборотной стороной медали, позволяющей правильно понять лицевую (“правильную”) сторону и является потенциальной базой для развития языка (и науки о языке). Ведь никто не станет отрицать, что в истории развития языка различные языковые факты, признававшиеся до поры неправильными, находили место в системе и прекрасно в ней функционировали, обогащая и развивая язык в его реальном состоянии.

Задачей настоящей статьи является 1) проанализировать понятие лингвистической “правильности/неправильности” в первом, достаточно грубом приближении; 2) показать, что явления “правильности/неправильности” в разной мере, но присущи всем без исключения языковым фактам, как включаемым в систему языка, так и не получившим в ней места, и тем самым 3) показать необходимость рассмотрения в лингвистической теории “неправильных” явлений наряду с “правильными”.

В заключение этой части оговоримся, что под языком в данном случае будем понимать “первый аспект языковых явлений” “речевую деятельность, так как рассмотрение языка как системы (“второй аспект языковых явлений”)¹ здесь неприменим в силу того, что язык как система в современном понимании складывается из описания только “правильных” фактов.

Для анализа понятия “правильности/неправильности” можно начать с рассмотрения известного замечания Ф.Энгельса: “... квадратный корень из минус единицы есть не просто

противоречие, а даже абсурдное противоречие, действительная бессмыслица. И все же $\sqrt{-1}$ является во многих случаях необходимым результатом правильных, математических операций; более того, что было бы с математикой, как низшей, так и высшей, если бы ей запрещено было оперировать с $\sqrt{-1}$?”².

Итак, с логической точки зрения выражение “квадратный корень из минус единицы” представляет собой бессмыслицу и, казалось бы, должно получить оценку “неправильно”. Но это выражение служит средством сообщения в определенной области человеческой деятельности, т.е. имеет смысл. Оно составлено из реальных лексических единиц по действующим в языке грамматическим законам. По этим двум основаниям данное выражение должно быть признано “правильным”, что в действительности и происходит. В целом же это выражение можно признать частично “правильным”, а частично “неправильным”. Понимание этой разности в оценках в пределах одного языкового выражения позволит нам правильно употребить его в коммуникации. Абсурдность данного выражения проявится только тогда, когда мы употребим его, не учитывая его лексико-эмпирической “неправильности”: например, потребуем все-таки извлечь квадратный корень из -1 или попросим принести на завтра парочку квадратных корней из -1.

Подобное же положение возникает при рассмотрении выражения “Земля имеет форму диска”. Данная грамматически и лексически безукоризненная фраза может быть признана ложной, неправильной только при соотнесении с реальностью. Осмысление же данной конструкции не вызывает у людей, незнакомых с действительным положением вещей, никаких затруднений. Это успешно проделывалось людьми на протяжении многих столетий.

На основании анализа этих и подобных им примеров можно сделать заключение: отражению в правильной языковой форме может подвергнуться мыслительное содержание, не соотнесенное непосредственно с реальным миром или противоречащее реальному положению вещей. И наоборот: осмыслению в практике речевой деятельности может подвергнуться языковая форма, не являющаяся знаком

действительности, знаком какого-либо реального объекта.

Такое же положение может быть вскрыто при анализе большого числа языковых фактов, например таких, как: “Энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света”; “Человек проходит сквозь стену”.

Соотношение “правильности/неправильности” в пределах этих выражений можно выразить графически следующим образом:

языковой факт	
правильно грамматика + смысл	неправильно логика

Существуют также языковые факты, где соотношение “правильности/неправильности” проявляется по-другому. Рассмотрим следующие предложения: “Все ваши “но” и “не могу” ни к чему: вы обязаны это сделать” и “Не он ушел, а его ушли”.

Выражения, подобные данным, часто употребимы в разговорной речи. Но если проанализировать их с грамматической стороны, то налицо будут явные нарушения. В первом приведенном предложении обращает внимание, что в функции подлежащего употреблены слова, которые с морфологической точкой зрения не могут занимать такого положения. Ни союз “но”, ни сочетание “не могу” не подпадают под категорию имен, не могут являться субъектами, производящими какие-то действия. Грамматическая форма данного выражения не соответствует законам русской грамматики. Однако с логической стороны эта фраза может интерпретироваться, как совершенно реальная. Слово “но” и сочетание “не могу” называют какие-то реальные факты реальной ситуации и в пределах данной ситуации вполне осмысленны. Правильнее даже сказать, что осмысленна ситуация в целом, и для выражения данной ситуации грамматическая форма не имеет решающего значения. Отражение же этой осмысленной реальной ситуации в неправильной грамматической форме не только не отрицает общей правильности данного высказывания, но даже подчеркивает, конкретизирует содержательную специфику его. Например, выражение “Все ваши увертки ни к чему...” более общо, так как непонятно, в чем же состоят увертки.

Во втором выражении грамматическая правильность тоже

“неправильного”... ни “удачного” и “неудачного” и т.д., и т.д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых”⁵. Это высказывание побудило обратить внимание на “неправильные” языковые факты. Трактовать их как диалектически противоположные “правильным” нас побудило следующее рассуждение В.И. Ленина: “Иван есть человек; Жучка есть собака и т.п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное есть общее... Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему”⁶.

СНОСКИ

¹ Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. – В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974, с.24-25.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, изд. 2-е, М., 1961, с.125.

³ О сущности понятия “итеративность” см.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., М. 1974, с. 13-15.

⁴ См.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 37.

⁵ Пешковский А.М. Избр. Труды. М., 1959, с.51.

⁶ Ленин В.И. Философские тетради. – Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

(Статья впервые была опубликована в кн.: Вопросы лексической семантики. Сборник научных трудов. / Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. – М., 1980. – С. 87-95)

Н.В. Асанова

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНТОНИМОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “ТРУСТЬ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ” В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А. АХМАТОВОЙ И С. ЕСЕНИНА)

В работе применялся динамический подход к исследованию содержания текстовых единиц – антонимов, при

языковой форме и несводимые к реальности. Или же смыслы, возникшие на основе осмысления реальности и языковой формы, имеют одну и ту же природу, но характеризуются в том или ином случае то положительно, то отрицательно, в зависимости от условий применения данного языкового факта в речевой деятельности. Другими словами, смысл языкового выражения в целом по-своему независим по отношению к логике и грамматике и в то же время обязательно с ними взаимодействует. Если правильно второе положение о единости смысла, возникшего как на основе языковой формы, так и на основе реальности, то смысловой аспект языкового факта должен, по всей вероятности, тоже характеризоваться способностью быть то “правильным”, то “неправильным”. Правильно осмысленная ситуация, т.е. смысл, сформировавшийся на основе реального факта, не обязательно правильно отражается в языковой форме, но может потребовать нарушения грамматической правильности, хотя бы с целью выражения уникальности данной ситуации. Смысл же, возникший на основе языкового факта, не обязательно соотносится непосредственно с какой-то реальной ситуацией. И в то же время – это единый по природе смысл, иначе пришлось бы постулировать раздвоенность человеческого сознания.

Теперь, вероятно, можно объединить две наши схемы в одну, справедливую для любого языкового факта. Предварительно оговоримся, что понятие “правильности/неправильности”, принятое нами для языкового знака в целом, здесь мы покажем дифференцированно, так как разные аспекты языкового факта характеризуются своей спецификой, и указанное понятие проявляется в них по разному.

	языковой факт	
грамматика	смысл	логика
правильно/неправильно	понятно/непонятно	истинно/ложно

Общий вывод: при функционировании языкового факта различные аспекты его содержательной структуры могут проявляться то как “правильные” (понятные, истинные), то как “неправильные” (непонятные, ложные), в зависимости от того,

какова область применения данного факта в коммуникативной деятельности, или от того, какова точка зрения на содержательную структуру его.

Еще раз надо оговориться, что выводы и схемы, приведенные здесь, чрезвычайно общи и условны. Безусловно, взаимодействие “правильности/неправильности” в пределах языкового знака значительно сложнее, но безусловно также, что эти взаимоотношения присутствуют в любом языковом факте.

Наиболее интересны для рассмотрения (но и наиболее трудны) языковые факты, получившие в последнее время название “разномодальные сочетания слов”. К ним можно отнести уже довольно известные в художественной литературе “оксюмороны” типа “живой труп”, “счастливый неудачник”, “нищий богач” и др. Но такие выражения встречаются не только в художественном стиле. Например: “разоренное сообщество” и “твердость жидкости” взяты соответственно из языка дипломатов и физиков. К ним примыкают разномодальные сочетания в речи искусствоведов – “терпкий аккорд”, “искристое стаккато”; художников – “холодные краски”, “звучащая линия”; актеров – “публичное одиночество”, “шепотный выкрик”; лингвистов – “языковой жест” и т.д. Еще более широк круг подобных выражений в непосредственной разговорной речи. Все эти “скоропостижно женился”, “внезапно пообедал”, “круглый квадрат” и пр., называемые лингвистами “нарочитыми”, “иронически стилизованными”, все-таки обладают языковыми закономерностями. Они якобы полностью “неправильны” с точки зрения современного понимания лингвистической “правильности”, но что же тогда позволяет им функционировать в речевой деятельности? Нам кажется, что такие выражения в более сложной форме проявляют взаимодействие факторов “правильности/неправильности” в своей содержательной структуре. Сложность выявления “правильности/неправильности” в данных языковых фактах заключается в том, что здесь уже нельзя столь однозначно и укрупненно представить соотношение грамматического, смыслового и логического аспектов. Появление подобных выражений всегда ситуативно обусловлено, но их выход в язык происходит, вероятно, после ряда мыслительных операций.

В этом смысле они близки выражениям типа – $\sqrt{-1}$ Но в них есть и своя специфика, состоящая в том, что такие выражения с трудом осмысливаются в речевой коммуникации, лежащие на поверхности “правильные” значения отдельных компонентов не дают возможности обозначить характер семантической связи этих компонентов. Эти сочетания не объясняются ни через “итеративность сем”³, ни через “актуализацию”⁴. Если же допустить наличие наряду с “правильной” еще и “неправильной”, диалектически противоречивой области значения, то это может дать, на наш взгляд, возможность понять сущность таких соединений слов. В них актуализируется именно “неправильная” сторона значения одного из компонентов сочетания. Другими словами, один из компонентов словосочетания представляет собой выражение в “правильной” форме “неправильной” стороны значения другого компонента. Поэтому термин “актуализация” здесь не совсем уместен. Явление актуализации предполагает конкретизацию, сужение значения актуализируемого слова. Здесь же происходит развертывание, расширение значения слова за счет вскрытия его “теневого” стороны. Значение словосочетания становится шире и несводимо к значению отдельных компонентов. Но оно и не фразеологично в привычном понимании слова.

Закончить изложение данной гипотезы можно указанием на проявление двойственности, диалектической противоречивости значения даже в пределах одного слова. Это тоже малоисследованное явление так называемой энанантиосемии, когда слово, свободно определяясь в контексте и являясь ведущим членом словосочетания, может проявлять противоположное значение. Например, “занять деньги (кому?)” и “занять деньги (у кого?)”.

Все приведенные выше рассуждения преследуют цель показать еще одну область исследования языковых фактов, несправедливо оставляемую без внимания в современной лингвистике. Здесь надо вспомнить высказывание А.М. Пешковского, который полагал, что “не только к целым языкам, но и к отдельным языковым фактам лингвист может относиться в настоящее время только объективно-познавателью. Для него нет в процессе изучения... ни “правильного” и

с каждым днем милей”, “не покину я товарища и беспутного, и нежного”, “днем их (свечей) мерцанье нежнее”, “тихий, тихий, и ласки не просит”, “нежна апрельская прохлада” и пр. Из произведений С. Есенина: “монашья мудр и ласков”, “апостол нежный Клюев”, “дар поэта – ласкать и карябать”, “губы милой я хотел бы целовать”, “растут слова самых нежных и кротких песен” и пр. При исследовании микроконтекстов учитывается тематическая направленность произведений, что позволяет сопоставить идиолектные системы А. Ахматовой и С. Есенина с точки зрения общих понятийных признаков. В диссертации и приложении к ней приводится конкретный материал, сгруппированный по пяти темам – любовь, размышления о жизни, творчество, природа, последний путь.

В стихотворениях, посвященных теме любви, у А. Ахматовой частотной является лексема ВЕСЕЛЬЕ. Данной лексеме сопутствует лексический контекст, который условно был объединен в группы: 2 (жестокий) – “Мы хотели муки жалающей”, “Милым простила губам / Я их жестокою шутку”, 9 (темнота) – “Нас в потемках принял челнок”, 10 (светлый) – “Тем, кто нежен и любит светло”, 12 (любимый) – “Что сделал с тобой любимый, / Что сделал любимый твой”.

В стихотворениях этой тематики у С. Есенина лексема ВЕСЕЛЬЕ также является частотной. Микроконтекст же данной лексемы в произведениях С. Есенина отличен от ее микроконтекста в произведениях А. Ахматовой. У С. Есенина ВЕСЕЛЬЮ соответствует микроконтекст: группа 11 (холод) – “Словно августовская прохлада”, группа 16 (звон) – “Что ж так имя твое звенит”, группа 19 (синий) – “Знаешь, холод осени синий”, группа 23 (петь) – “Часть моя за песню продана”.

Совпадение лексического окружения слова ВЕСЕЛЬЕ в стихотворениях данной тематики наблюдается у А. Ахматовой и С. Есенина лишь в группе 1 (милый).

Анализ отношений членов СП “грусть, тоска, печаль, радость, веселье” в тех модификациях, которое оно приобретает в идиостилиях А. Ахматовой и С. Есенина показал, что ситуации реальной действительности и понятия, им соответствующие, которые обычно оцениваются как противопоставленные, не

котором антонимические противопоставления интересуют исследователя не “сами по себе”, а в акте коммуникации, в акте восприятия. С целью учета собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на процесс формирования и восприятия пар слов-антонимов, в работе использовалась модель “действительность – продуцирующий текст – текст – воспринимающий текст”. Своеобразие антонимических (в некоторых случаях – синонимических) отношений членов СП “грусть, тоска, печаль, радость, веселье” в поэтических произведениях А. Ахматовой и С. Есенина отражает индивидуальные черты “языковых моделей мира” данных поэтов, которые, в свою очередь, обусловлены отношением А. Ахматовой и С. Есенина к реалиям действительности, их “концептуальными моделями мира”.

Смысловое значение является определяющим началом любого речевого акта (А. Ксан, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия), им человек руководствуется при выборе из всего арсенала языковой системы тех средств, которые позволяют наиболее точно охарактеризовать конкретную ситуацию, какие-то явления действительности. Поскольку идея (понятийная категория) и ее языковое выражение не тождественны друг другу, постольку и близость идей, высказываемых авторами в своих произведениях, еще не свидетельствует о близости их идиостилей – одно идейное содержание может воплотиться в разных формах. Например, тема природы по-разному решается в творчестве А. Ахматовой и С. Есенина. У Ахматовой в связи с этой темой наиболее частотной лексемой (из ряда членов СП “грусть, тоска, печаль, радость, веселье”) является ВЕСЕЛЬЕ, а у Есенина – ПЕЧАЛЬ, ГРУСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ, которые вступают в различные у этих авторов семантические связи.

При анализе антонимических отношений различаются уровень мышления (понятийный) и уровень собственно лингвистический, причем первый играет доминирующую роль в процессе становления антонимических противопоставлений.

Восприятие текстовых единиц представляет собой активный мыслительный процесс, осуществляемый реципиентом текста (В.А. Звегинцев, А.А. Леонтьев, А.А. Потебня и др.).

Комплекс причин, от которых зависит более или менее полное восприятие текста, принято называть контекстом. В лингвистической литературе существует узкое понимание контекста как ограниченное рамками данного произведения описание факта, действующего лица и широкое понимание контекста, включающее знание исторических условий эпохи, в которую творил писатель, событий, непосредственно предшествующих появлению данного произведения, и т.д. Социальный характер языка, его общественная природа диктуют определенные границы вариативности восприятия и понимания текстовых единиц, в частности антонимических противопоставлений. По возможности полное знание контекста (как в узком, так и в широком смысле) употребления антонимов способствует более глубокому пониманию механизмов отражения логической категории противопоставления средствами языкового уровня.

При исследовании антонимов в индивидуально-авторской поэтической речи актуальным становится вопрос об определении “узуса” (нормы) антонимического противопоставления. Некоторые исследователи (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум) при противопоставлении нормы и отклонений от нее опирались на категоричное противопоставление речи практической и речи художественной. В нашей работе поэтические тексты не противопоставляются всем другим текстам, а мыслительный и языковой уровни рассматриваются как единые для всех текстов.

Концептуальные модели мира поэтов А. Ахматовой и С. Есенина отражают нестандартность их оценок и своеобразие восприятия мира, а также отражаются в нестандартном индивидуально-авторском использовании языковых средств, что вместе взятое составляет писательский идиолект. Вырванные из контекста некоторые антонимические противопоставления могут быть истолкованы как “оказиональные”, в то время как в системе концептуальной модели мира и языковой модели мира данного автора они представляют собой норму. Словарем антонимов русского языка М.Р. Львова зафиксирована пара слов “радость-горе”, которые определяются как “языковые антонимы на уровне нормы”. В произведениях С. Есенина не были отмечены случаи

употребления данной пары антонимов в “диагностических контекстах” (термин Л.А. Новикова), то есть, в определенных грамматических конструкциях, наиболее типичных для реализации понятийных противопоставлений в языке. В произведениях Есенина употребление имеет пара “радость-беда”: “От любви не требуют поруки, / С нею знают радость и беду”; “Не беда, а нежданная радость/ Упадет на мужицкую Русь”; а также пара “радость-боль”: “Иные в сердце радости и боли, / И новый говор липнет на язык”; “Люблю до радости и боли/ Твою озерную тоску”. Приведенные примеры показывают, что для концептуальной модели мира и писательского идиолекта С. Есенина именно данное антонимическое противопоставление является “узусом”, отражающим суть авторского мировосприятия.

Этот вывод расширяет представление об антонимии “на уровне нормы”, свидетельствует о вариативности употребления антонимов в пределах “узуса”.

Языковые модели мира А. Ахматовой и С. Есенина характеризует преимущественное использование каждым из поэтов “своего” круга лексем из семантического поля “грусть, тоска, печаль, радость, веселье”, причем существует определенная зависимость между темой произведения и частотностью употребления какой-либо лексемы (или группы родственных ей слов). Для идиолектов А. Ахматовой и С. Есенина характерны и определенные синтаксические конструкции, типы которых соотносимы с преимущественным употреблением определенных лексем.

В авторских идиолектах А. Ахматовой и С. Есенина также исследовался лингвистический и нелингвистический микроконтекст исходного СП. На основании анализа микроконтекстов лексем ГРУСТЬ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ, слова, с которыми эти лексемы часто и регулярно употреблялись, распределены по нескольким группам таким образом, что члены одной группы объединены каким-либо (иногда несколькими) понятийным признаком. Таких групп выделено 24. Например, группа 1, члены которой объединены понятийным признаком “милый, нежный”, включает в себя следующие слова и словосочетания (из произведений А. Ахматовой): (читатели) “вы

появляются и при толковании (объяснении) значений слов в любом лингвистическом словаре.

Ср: Малый Академический словарь (толковый) (1982)

КАНАЛ – наполненное водой искусственное русло, предназначенное для судоходной связи между отдельными реками, озерами и морями, а также для целей водоснабжения, орошения, отвода или стока воды.

КАЛЕНДАРЬ – система счисления длительных промежутков времени, в основе которой лежат периодические явления природы, связанные с движением небесных светил.

Стремление к родо-видовому толкованию слова приводит иногда к несколько комичным толкованиям:

Там же:

ЗАЯЦ – небольшой пугливый зверек отряда грызунов с длинными задними ногами и длинными ушами.

МЕДВЕДЬ – крупное хищное всеядное млекопитающее с большим, грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами.

В. Даль в статье “О русском словаре” замечает, имея в виду именно логические определения через род и вид: “Общие определения слов и самих предметов и понятий – дело почти неисполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее” [3]. Составители терминологических словарей иногда сознательно избегают понятий на первый взгляд простых (например, масса, ускорение, время), зная, что дать научное определение на сугубо теоретическом уровне таким понятиям через род и вид часто невозможно. Единственное различие в структуре и содержании статьи в терминологическом (энциклопедическом) и филологическом словаре – это **объем** словарной статьи. Однако в качестве возражения можно привести довод о том, что существуют как жанр краткие энциклопедические словари-справочники, в которых словарные статьи мало чем отличаются от статей в толковых словарях, наблюдается и обратное. Чтобы доказать, что четкого разграничения при определении значения слова нет, приведем в качестве иллюстрации статьи из толкового словаря русского языка в 4-х

являются таковыми в рамках индивидуально-авторских концептуальных и языковых систем данных поэтов. Например, в произведениях А. Ахматовой на тему последнего пути существует теснейшее переплетение в одном художественном образе понятий, традиционно воспринимаемых носителями языка как противопоставленные, на языковом же уровне они выражены лексемами ГРУСТЬ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ. Причем, группы их микроконтекстов совпадают: 2 (жестокий), 4 (смерть), 10 (светлый), а у лексем ПЕЧАЛЬ и РАДОСТЬ совпадает также группа 7 (тайна, западня).

ЛИТЕРАТУРА

Асанова Н.В. Анализ функционирования антонимов семантического поля “ГРУСТЬ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ” в поэтической речи (на материале стихотворений А. Ахматовой и С. Есенина: Автореф..дисс. ...канд. филол. наук. спец 10 02.01 – русский язык. – М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1983. - 18с.

Статья содержит материалы, наблюдения и выводы диссертационного исследования Н.В. Асановой с одноименным названием, защищенного в Москве в 1983 году под научным руководством М.Н. Правдина.

Т.Я. Анохина

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРАХ КАК СПОСОБЕ ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

Ученые-лингвисты давно обратили внимание на всё возрастающую роль специальных словарей в жизни общества, на расширение областей их применения. Никогда прежде терминологические словари (ТС) не вызывали такого интереса, как в наше время, что, безусловно, говорит о развитии общественно-научного сознания.

Вопросами терминологии сегодня интересуются не только специалисты в различных областях знаний, но и широкий круг лиц, занятых в самых разнообразных сферах жизни: инженеры, врачи, философы, социологи, педагоги, лингвисты, переводчики и многие другие. За последние два года в российских издательствах вышло около трех тысяч словарей, однако на долю специальных приходится менее 0,5 % (например, “Терминологический словарь логиста” slovalogista.ru). Это вовсе не значит, что у терминологов отсутствует научный интерес к данному вопросу, а свидетельствует лишь о том, что это дело весьма сложное, кропотливое и трудоёмкое. Потребность в литературе подобного рода, таким образом, остается неудовлетворенной в полной мере. А без данных подобного рода невозможно развивать научно-технический прогресс, затруднена передача информации при обучении и вся переводческая деятельность. Научно-технические специальные словари приобретают всё больший вес и в аспекте моделирования и структурирования знаний, систематизации научно-технической информации, упорядочивания структурно-семантических полей в различных областях знаний; формирование терминологических банков данных и их прикладное использование тоже входит в сферу процесса упорядочивания научной терминологии.

Исходя из этого становится очевидным, почему начиная с 70-х годов XX века произошло формирование самостоятельной научной дисциплины – терминографии.

Первый вопрос, который приходится решать ученому-терминоведу, – это вопрос о том, какое место занимает ТС в современной типологии словарей. Этот вопрос был поставлен много лет назад известным русским языковедом Л.В. Щербой [13]: правомерна ли антитеза “словарь энциклопедический – словарь филологический (толковый)”. С этого времени разделение и противопоставление “обыденного” толкового словаря и научного подхода к действительности стало у лексикографов принципом, которым нужно руководствоваться, например, при составлении терминологических словарей. В теоретической лексикологии такое разделение отразилось, в частности, в известных всем лингвистам терминах: “ближайшее” и “дальнейшее” значения

слова (А.А. Потебня), “формальное” и “содержательное” понятия (С.Д. Кацнельсон), “наивное” понятие (Ю.Д. Апресян). То есть в научной литературе относительно устоялось представление, что объект описания энциклопедических словарей – научное понятие, а толковых (филологических) – языковое значение. Так, например, одни учёные считают, что терминологические словари “являются полиобъектными, так как описывают понятия, факты, события, ситуации, т.е. предметы в широком смысле слова, относящиеся к разным сторонами природы, общества и личности” [7, 99]. Именно к энциклопедическим традиционно относят в этом научном направлении и терминологические словари.

Задача лингвистического словаря, с точки зрения этих ученых, “объяснение значения слова, его лексикологическая, грамматическая, этимологическая, орфографическая и подобные характеристики [9, с. 301].

Жанр энциклопедических объяснений – это статья (дефиниция), толковые словари дают, так считается, лаконичное описание значения слова (толкование).

Представители другого научного направления, например, А.Я. Шайкевич в [11], исходя из анализа словарей и словарных статей в них, приводят доказательства, что не существует особого типа терминологических словарей: “хорошо выделяясь эмпирически, терминологические словари не выделяются в особый теоретический тип” [11, с. 21].

И, наконец, существует ещё один подход, в рамках которого терминологический словарь занимает промежуточное положение между словарями энциклопедическими и толковыми [5].

Однако при сравнении словарных статей того и другого словаря можно заметить, что однозначного представления об отличии толкования значения слова (филологический словарь) от понятийного определения (через род и вид) всё же нет, что подтверждается также неразличением (или смешением) терминов “определение”, “дефиниция” и “толкование” в ряде лексикографических работ, и элементы родо-видового понятийного определения, как правило, но далеко не регулярно,

· энциклопедии (условно претендуют на систематизированный оптимальный свод знаний, понятий, с точки зрения научных концепций, соответствующих эпохе. Рассчитаны на высококвалифицированных специалистов в области науки и техники, преподавателей, студентов).

Примером последнего типа является 40-томная “Энциклопедия Машиностроения”, в настоящее время издано 20 томов этого огромного труда.

Каковы же главные свойства терминологического словаря и какие задачи стоят перед терминологами? Как раз в отношении этих вопросов существуют достаточно установившиеся представления о первоочередных задачах, стоящих перед терминологами:

- помочь читателю специальной научной литературы понять значение неясного или неизвестного термина;
- дать полное представление о структурных отношениях между лексическими единицами в терминосистеме;
- отделить многозначные термины от омонимов, если такие случаи имеют место;
- разработать принципы идеографического описания терминов в словаре;
- кодифицировать полученную терминосистему, т.е. оформить её в виде нормативного словаря.

В любом случае понятно, что исследование семантики терминов как единиц некоторого специального языка составляет суть работы лингвиста при анализе языка науки. Суть термина была сформулирована ещё В.В. Виноградовым ещё в 1947 г. в работе “Русский язык”. С тех пор о терминах писали, наверное, сотни лингвистов не только в России, но и в других странах. Эта тема очень продуктивно разрабатывалась. Вот лишь некоторые родовые определения к понятию “термин”, которые встречаются в научной литературе:

- словесный комплекс
- специальный объект
- специальное понятие
- языковой знак

томах, так называемого Малого академического словаря (МАС), и статьи из словаря машиностроительных терминов, составленного коллективом авторов в Университете машиностроения г. Москвы (руководитель проекта – ректор университета д.э.н. А.В. Николаенко).

МАС:

ПОДШИПНИК – опорная деталь для вращающихся или качающихся частей машин, механизмов, приборов и других устройств.

Терминологический словарь:

ПОДШИПНИКИ 3-го ПОКОЛЕНИЯ - ступичные подшипники для иномарок. Большинство зарубежных автопроизводителей сегодня используют подшипники HUB 2-го и 3-го поколения с интегрированными электронными датчиками. Данные подшипники обладают фланцами для крепления к тормозному диску, либо к ступице колеса (либо к обоим узлам), что облегчает их монтаж и центровку. Колесная система Timken с подшипниковым узлом ступицы 3-го поколения представляет собой комплектный подшипник закрытого типа с активной системой датчиков и сочетает в себе конструктивную гибкость и простоту болтового крепления. Поколение 3 улучшает жесткость и качество работы тормозов, уменьшает массу и габаритные размеры, сокращает затраты на сборку и уменьшает количество заявок на гарантийное обслуживание.

Или другой пример:

МАС:

ТРАКТОР – а, мн. тракторы и трактора, м. самоходная машина на колёсном или гусеничном ходу, предназначенная для тяги или приведения в действие прицепленных к ней или установленных на ней машин, орудий (сельскохозяйственных, строительных, дорожных и др.).

В Терминологическом словаре Университета машиностроения:

ТРАКТОР – безрельсовое тяговое или тягово-транспортное средство, оборудованное колёсным или гусеничным движителем и собственным двигателем, предназначенное для

выполнения различных с.-х., лесохозяйственных, строительных, дорожных, транспортных работ с применением соответствующих машин, орудий и прицепов. В отличие от автомобиля трактор является преимущественно тяговой машиной и выполняет работу только с орудиями, с которыми образует машинно-тракторный агрегат (МТА). Трактор включен в технологический процесс возделывания и уборки соответствующих культур, лучше приспособлен для движения вне дорог. Трактор является более сложной машиной, чем автомобиль (проф. А.П. Парфенов. Университет машиностроения).

ТРАКТОР РИСОВОДЧЕСКИЙ – с.х. трактор для выполнения работ по возделыванию риса в чеках. Имеет увеличенный дорожный просвет (см.), герметичную ходовую систему и оснащен шинами повышенной проходимости для возможности длительной работы в водной среде. Впервые разработан и начал применяться при промышленном производстве риса в СССР (проф. А.П. Парфенов. Университет машиностроения).

Даже поверхностный анализ позволяет утверждать, что определения в толковом словаре и в терминологическом различаются прежде всего **объёмом** информации. В задачу составителей толкового словаря не входит исчерпывающее описание свойств предмета или явления. Они претендуют лишь на такой объем информации, который позволит человеку правильно понимать и, главное, употреблять его в процессе коммуникации. Последнее – правила употребления – относится к любым справочным материалам, в том числе и к любым словарям. Ведь чтобы словарь мог стать гарантом нормы для некоторого коллектива читателей, необходимо создать “мост взаимопонимания” (термин В. Дорошевского) между составителем словаря и тем, кто пользуется словарем. Следовательно, научность представления лексики в словаре сама по себе не гарантирует доступность и полезность словарных знаний, если этот “мост” не возведен, создание же моста невозможно, если научность находится в противоречии с тем, что можно было бы назвать здравым смыслом читателя. Так,

например, в Логическом словаре-справочнике Н.И. Кондакова определяется понятие “разделительно – категорический силлогизм” - силлогизм, в котором разделительная посылка фиксирует ряд исключаящих друг друга свойств, одна из которых может принадлежать предмету; категорическая посылка отрицает все – каждое в отдельности – свойства, отображенные в разделительной посылке, кроме одного. В заключение такого силлогизма утверждается принадлежность предмету одного свойства, которое не исключалось категорической посылкой”.

РАЗУМ – ступень мышления, которая в домарксистской философии определялась как способность раскрывать на основе данных, доставленных рассудком (см.), универсальную связь вещей, их сущность, чего не мог сделать рассудок, считавшийся элементарной способностью первоначально связывать суждения и понятия в процессе умозаключения”.

В предисловии к словарю сказано, что “автор стремился в доступной для **широкого** круга читателей форме (выделено авторами статьи) изложить достижения современной логической науки”.

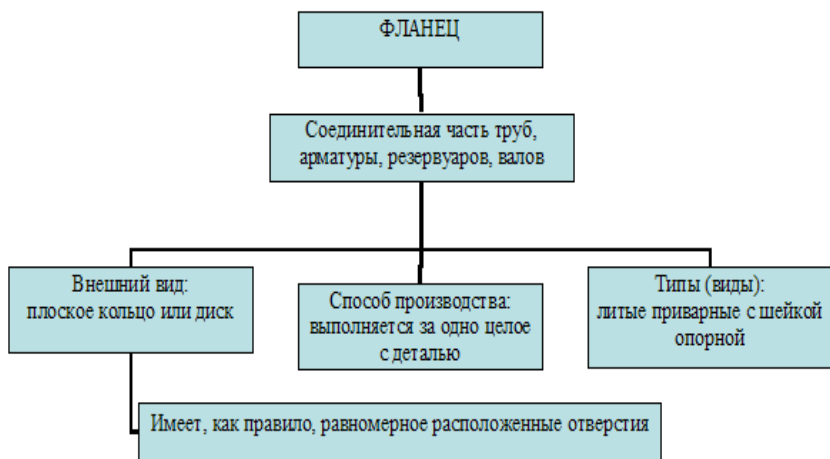
Авторы терминологического словаря, таким образом, должны дать дефиницию понятия, по поводу объёма которой не существует, как уже было сказано, строгих устоявшихся представлений.

Обобщая всё сказанное, мы исходим из того, что в зависимости от целевой аудитории (для кого?), целей лексикографов (насколько полно структурируется и упорядочивается информация) и способов представления информации существуют словари 3 типов:

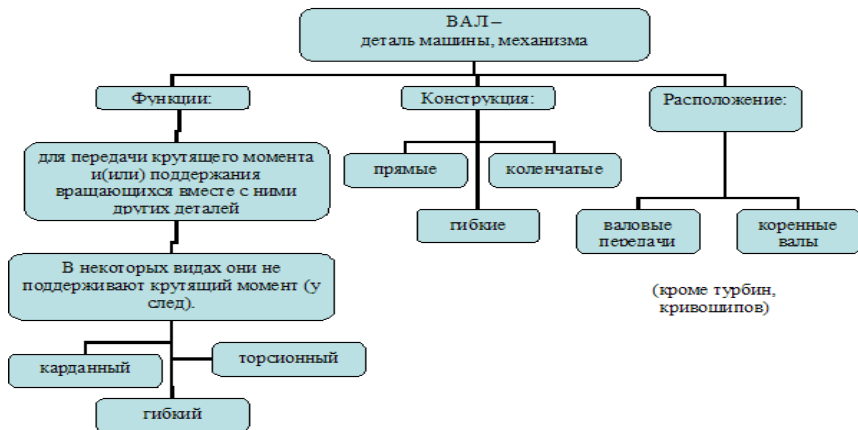
- толковые (минимальная информация, необходимая и достаточная для правильного словоупотребления в условиях чаще всего бытовой коммуникации);
- терминологические (научно-техническая информация, позволяющая осуществлять профессиональную коммуникацию в целях обучения, перевода и общения в научной среде, в том числе и в образовательной);

- внешний вид
- способ производства
- виды (как производный признак от “способа производства”)

Это можно представить в виде схемы:

Признаки, выделяемые для семантизации термина, непостоянны, что связано с понятием “регулярность признака”. Например, можно выделить следующие регулярные признаки для детали “вал” (см. схему):

- слово
- специальное слово
- словесный комплексный мотивированный знак
- лексикализованное сочетание
- функция
- единство знака и понятия
- лексическая единица.

С нашей точки зрения, “термин” не противопоставлен “слову”. Его главный признак – это сфера употребления, т.е. некая особая “система координат”, в которой он функционирует, но вовсе не особая лингвистическая природа этой лексической единицы. “Слово – термин” не является оппозицией. Вот как определяет термин В.М. Лейчик: “Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей (то, что мы назвали “системой координат”), общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности” [6, с. 7].

Теория любой науки соотносится с определенной системой понятий, когда мы выражаем эти концепты словами и они становятся терминами. Последние регламентируют и упорядочивают эти знания. Упорядочивать – означает привести в систему, систематизировать, придать регулярный вид.

Системные связи присущи всей ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ЯЗЫКА. Если взять словари синонимов, антонимов, омонимов, неологизмов, архаизмов и т.д., то можно в этом с легкостью убедиться. Мы утверждаем, что системность терминологии не является исключительной. Значение слова “метрика” в словаре омонимов может трактоваться как:

- специальное учение о стихотворных размерах (англ. metrics, фр. metrique) – и это термин литературы.
- свидетельство о рождении (англ. birth – certificate, фр. acte de naissance).

Первое слово – это термин, так как он функционирует в теории литературы. Значит, если любое слово попадает из обыденной бытовой речи в сферу научную, то оно приобретает

статус термина и зачастую со словом “бытовой сферы” связано омонимическими отношениями.

Стакан (сосуд) – стакан (деталь двигателя). Зеркало – зеркало (цилиндра).

Но, так же как и в разговорной речи, они приобретают системные связи, хотя бы на уровне взаимосвязи с другими деталями двигателя (парадигматика) и с другими словами в предложении (синтагматика). Научное и “повседневное” мышление ПО СУТИ **своей оказывается однородным**. Так, В. Дорошевский в работе “Элементы лексикологии и семиотики” говорил, что “не может быть разделение на мышление будничное, повседневное на практическое функционирование здорового смысла “обыкновенного человека” и научное мышление”. Он доказывает это положение тезисом о единстве познавательного процесса и тем, что научная форма познания действительности является, в сущности, продолжением элементарного познавательного рефлекса” [4, с. 354-371]. В этом смысле мы не солидарны с теми лексикологами и лексикографами, которые утверждают, что терминам присуща какая-то особая рода системность. Именно эта точка зрения представлена в работе М.Н.Правдина “Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке” [8]. Нам представляется, что в языке науки как весьма упорядоченной когнитивной сфере эти системные связи организованы более жестко (разумеется, в соответствии с определенным временным периодом развития науки), чем в других сферах, например в области языка художественной литературы, образность которой в индивидуальных образных ассоциациях может поломать любые стереотипы как парадигматические, так и синтагматические: так, у С.А. Есенина: “курит облаком болото” или “ивы – кроткие монашки”.

Дефиниции – это основное средство семантизации термина. По сути дефиниция предполагает одно: раскрытие существенных и отличительных признаков предмета и указание на место понятия о предмете в системе специальных понятий через установление его отношений с другими понятиями системы.

Вместе с тем, приступая к составлению дефиниций, т.е. к логико-понятийному моделированию терминосистемы, лексикограф сталкивается с очень трудной проблемой неоднородности типов дефиниций. Например, Д.С. Шелов в работе “Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов” выделяет 6 видов дефиниций: родовые, перечислительные, контекстуальные, операциональные, мономорфные, полиморфные [12].

Видимо, приступая к составлению терминологического словаря, следует не гнаться за многообразием структуры словарной статьи, а попытаться по возможности **унифицировать** её. Это можно сделать, если разработать некоторые логические схемы словарной статьи. При оценке количества признаков, которые необходимо отразить в дефиниции, можно выделить 3 основных логических схемы:

- соотнесение определяемого понятия с более широким;
- отличие определяемого понятия от смежных с ним понятий;
- раскрытие сущности определяемого понятия через перечисление его существенных признаков.

Так, пример первого типа – родовидовое определение:

ДЕКАТРОН – газоразрядная счетная **лампа** (син. многоэлектронный газоразрядный прибор тлеющего разряда).

ПОДВЕСКА – активная **система** подрессоривания автомобиля.

Родовое определение – это совсем краткое определение термина, такой вид чаще всего встречается в кратких словарях-справочниках, мы столкнулись с подобными рода дефинициями в Госстандартах. В более полных терминологических словарях такого определения обычно лишь начинается дефиниция и становится частью словарной статьи. Чтобы информация была представлена полно, необходимо добавить и другие существенные признаки предмета, чтобы понятие не было “плоским”, малоинформативным.

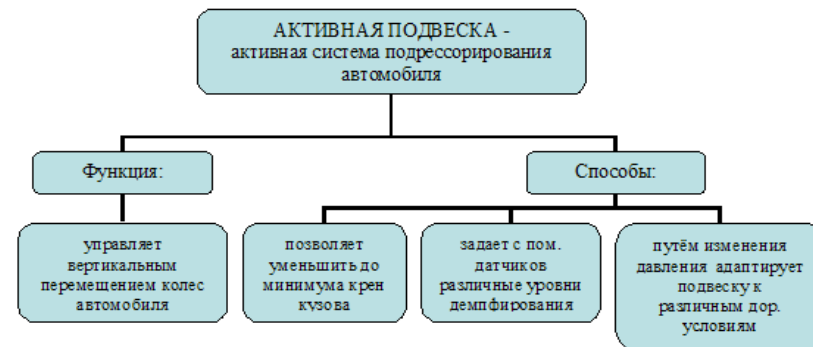
Например, для термина “фланец” можно добавить:

Однако лексикографическая информация структурируется, ей придается регулярность, и нам представляется, что на современном этапе семантизации терминов уже выявлены средства и способы описания научных терминов, один из которых и был представлен авторами этой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина Т.Я. Роль словарей в формировании языковой компетенции будущих инженеров (на примере русского языка) // Известия МГТУ "МАМИ". – Т.3 (14). – М., 2012.
2. Гонтарева О.П. Из опыта преподавания русского языка студентам-иностранцам технического вуза: Материалы Международной научно-технической конференции Ассоциации автомобильных инженеров. – М.: МГТУ "МАМИ", 2010.
3. Даль В. О русском словаре: Речь, читанная в обществе любителей российской словесности в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 года. – Интернет-ресурс: [false friend.ru/dal-rech-chitannay.html](http://falsefriend.ru/dal-rech-chitannay.html).
4. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики// Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия. – М. 2003.
5. Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. К трилогии русских словарей // Сороколетов Ф.П. Избранные труды. – М., 2011.
6. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения. – М., 1989.
7. Лукьянова Н.А. Типология современных русских словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск: НГУ, 1996.
8. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М., 1991.
9. Прохорова В.Н. Словарь лингвистический//Русский язык: Энциклопедия/ под. ред. Ф.П.Филина. – М., 1979.
10. Татаринцов В.А. Теория терминоведения. – М., 1996.
11. Шайкевич А.Я. Проблемы терминологической лексикографии: обзорная информация. – М., 1983.
- 12.. Шелов Д.С. Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов. – М., 1959.
- 13.. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. – Л., 1974.

Особенно хорошо могут быть структурированы (унифицированы) определения машин, механизмов и под.

Это основной тип логических схем. Кроме подобных схем, есть схемы, соответствующие описательным определениям. Такие дефиниции характеризуются свободным стилистическим и грамматическим оформлением (довольно свободное соотношение смысловых блоков в статье). По нашим наблюдениям, эти дефиниции чаще всего применимы, если речь идет о терминах, обозначающих процессы или свойства. Так, например:

Вид статьи в словаре: Аквапланирование – это возникновение гидродинамического клина в пятне контакта шины, то есть полная или частичная потеря сцепления, вызванная присутствием водяного слоя, отделяющего шины движущегося транспортного средства от дорожной поверхности. При этом транспортное средство практически неуправляемо. Возникает, когда скорость достигает критического значения, при котором колесо не успевает удалять воду из пятна контакта. Чем больше водяная пленка, тем выше риск аквапланирования.

Вид статьи: Безотказность – свойство изделия сохранять работоспособность в течение некоторого времени или при выполнении определенного объема работы без вынужденных перерывов в заданных условиях эксплуатации. Показателями безотказности могут служить, например, вероятность безотказной работы, интенсивность отказов, наработка на отказ.

Третий вид дефиниций – это отсылочные определения как разновидность описательных определений.

БЕЗОПАСНОЕ СТЕКЛО – **стекло (см)** (нет родового слова), обладающее лучшими **по сравнению с обычным стеклом** свойствами при защите человека от травм (порезов). Обычно под безопасными понимают закаленные, ламинированные и противопожарные стекла.

Последний признак явно факультативный, что подчеркивает слово “обычно”.

Отсылка очень часто используется в терминологическом словаре. Она раскрывает признаки понятия имплицитно, что подтверждается отсутствием родового слова (например, “материал” или “вещество”).

Для ряда терминов дефиницию по строгой логической схеме составить очень трудно. В этом случае определение заменяется **пояснением**, в котором в произвольном порядке называются 1-2 признака соответствующего объекта описания:

АВТОНОМНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ – комплекс устройств для автоматического управления движением автомобиля в соответствии с заданной программой.

АЛГОРИТМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ – набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для достижения результата решения задачи за конечное число действий.

В заключение можно констатировать, что теоретическая лексикография сегодня ещё не выработала четкого понятийного аппарата, однако опыт постепенно накапливается, обобщается, и уже сейчас можно констатировать, что многие проблемы терминопонимания решены. Появляется всё больше описаний различных терминосистем. Эти описания не свидетельствуют о построении универсальной всеохватывающей технологии, позволяющей сделать классификацию терминов формальной.

О МЕТАФОРЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЯХ

предшествующего ему позитивизма непонимание того, «что “истинная сущность” предмета не существует “в себе и для себя”», но неотделима от позиции субъекта по отношению к этому предмету и изменяется вместе с этой позицией» [1, с. 28].

Не менее метафорична и теория кодирования содержания в слове, основанная на уподоблении процесса передачи информации в кибернетических устройствах процессу общения людей. Сам термин “кодирование” представляется неудачным, поскольку в современной лингвистике он используется чаще всего неопределенно, не строго, в отличие от классического его использования в теории И.В. Арнольд как термина теории информации. Анализ подхода И.В. Арнольд с функциональной точки зрения см. в [10].

На первый взгляд, сказанное очевидно и признается даже авторами исследований, весьма далеких от идей антропоцентрической парадигмы. Так, В.М. Солнцев в книге “Язык как системно-структурное образование” отмечал: “Представлялось важным разъяснить метафоричность таких терминов, как “сообщение”, “передача” мысли. Мысль не передается в прямом смысле, она с помощью чувственно воспринимаемых языковых знаков, произведенных говорящим, лишь возбуждается и формируется в голове слушающего” [11, с. 4]. Однако, когда рассматриваются более протяженные единицы (предложение, текст), метафора о “заложенности” идеального содержания в материальную форму, их связи вне воспринимающего и создающего речевые единицы субъектов, возникает вновь.

Одним из ярких примеров таких синтаксических дефиниций является одно из определений предложения, до недавнего времени бытовавшее и в школьной, и в вузовской грамматике: “предложение – это слово или группа слов, выражающих относительно законченную мысль”. Его метафоричность не позволяет понять сути явления. Действительно, что такое мысль? Что является показателем ее законченности (абсолютной или относительной)? И наконец: каким образом написанное или звучащее предложение вообще способно выражать мысли подобно человеку? Такое определение

Обращение к метафоре при попытке определить то или иное лингвистическое понятие – явление нередкое. Как известно, метафора возникает при вторичной номинации явления на основе его сходства с другими явлениями. Сравнение – универсальный способ познания мира: все познается в сравнении. Поэтому обращение к метафоре в научном познании мира рядом ученых признается вполне обоснованным и правомерным [5].

Закономерно предположить, что метафорические дефиниции наиболее частотны в случаях, когда объект изучения носит идеальный, моделируемый характер. К числу таких объектов, безусловно, относится язык. Его онтологический статус во многом определяется методологическими установками той парадигмы, в рамках которой он рассматривается. В конечном счете методологические установки – это включение языка в систему связей с равновеликими мирами мышления и внеязыковой действительности. Эти связи в разных лингвистических парадигмах осмысливаются по-разному и соответственно по-разному описываются коммуникативная функция языка, связь формы и содержания языковой единицы, очерчиваются границы языкового и неязыкового и т.д. В связи с этим, на первый взгляд, наивный детский вопрос “А как это на самом деле?” может быть рассмотрен как некорректный.

Действительно, кажется, что достаточно задать исходные параметры (аксиомы) в соответствии с принятой методологией и избежать внутренних противоречий в построении модели, чтобы такая модель могла быть положена в основу исследования. При этом вопрос о соответствии исходных параметров свойствам моделируемого объекта часто считается некорректным, поскольку объект носит идеальный характер: “Каждая лингвистическая парадигма – структурная, функциональная, коммуникативная, когнитивная и др. – объясняет устройство языка через свои специфические модели” [2, с. 26]. С этой точки зрения метафорическая модель имеет не меньшую познавательную ценность, чем неметафорическая. Правда, в случае построения

метафорических моделей возникает опасность развивать науку не как средство познания мира, в том числе и мира человеческого мышления, а как средство построения множественных, внутренне не связанных друг с другом моделей, достаточно далеких от объекта познания.

С точки зрения других ученых, в частности И.В. Полозовой, “для современной лингвистической философии остаётся весьма актуальной проблема различения метафорических и буквальных выражений. Так, А.Гютли формулирует различия между метафорой и буквальными выражениями в виде ряда пунктов, считая характерными особенностями буквальных выражений приблизительное сходство, конвенциональность, наличие обозначения, непротиворечивость, точность, в то время как в числе присущих метафоре черт им называются удалённое сходство, неконвенциональность, отсутствие обозначения, противоречивость, неточность” [7].

Представляется, что эта точка зрения ближе к истине. Установление связи между познанным и непознанным явлениями, указание на сходство между ними, видимо, лишь начальная ступень процесса познания. Более глубокое проникновение в сущность, скрываемую за явлением, как правило, означает включение предмета в разнообразные связи с множеством других явлений. Таким образом, метафорический характер дефиниции свидетельствует о недостаточной изученности явления.

В современной науке отношение к метафорическим дефинициям различно. Так, например, В.Б. Кашкин и Д.Г. Шаталов отмечают, что “в XX веке влияние науки на другие сферы человеческого познания проявилось с особой, даже иногда агрессивной жесткостью. Это влияние не всегда получало положительную оценку, науке не всегда отдавалось особое предпочтение: В.В.Налимов так писал о мифе и метафоре в науке: наука не спасает от мифа, она лишь создает новую мифологию в каждой новой парадигме” [4].

Является ли демегафоризация метафорических дефиниций ответом на вопрос “А как это на самом деле?” По всей видимости, нет. Однако каждый факт демегафоризации в то же время – приближение к реально существующему, хотя и носящему

идеальный характер объекту. Степень такого приближения определяется степенью изученности, познанным объектом не только лингвистикой, но и смежными науками.

Происходящая в современной лингвистике смена научных парадигм, развитие антропоцентризма, стремящегося к глобализации, интегрированию научных исследований, объектом которых является человек, в частности, развитие альтернативной функциональной парадигмы в трудах М.Н. Правдина (см. [8; 9] и др.), позволяет демегафоризировать некоторые дефиниции.

Данная статья преследует цель рассмотреть несколько устоявшихся однопорядковых метафорических дефиниций, которые носят глобальный, методологический характер: *слово имеет определенное значение, предложение выражает смысл, текст передает содержание, язык формирует картину мира человека.*

Однопорядковость отмеченных дефиниций связана с одним и тем же фактором – включением слова в ряд антропоморфных явлений, приписыванием ему свойств, присущих живому существу. Утверждая, что в слове заключено определенное содержание (грамматическое и лексическое значения), мы забываем, что это утверждение метафорично, осмысливаем его буквально, считая, что значение локализовано в буквенно-звуковой форме, заключено в ней. Не рассматривая вопроса о том, что представляет собой лексическое значение, насколько справедливо отождествление значения с понятием и т.п., отметим его такой бесспорный признак, как идеальный, мыслительный характер. Мысль, будучи функцией мыслящего мозга, не может быть выведена за его пределы. Мысль по природе своей – процесс, протекающий в коре головного мозга. “Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс”, – писал А.А. Леонтьев [6, с. 8]. “Соединение” материи слова (буквенно-звуковой формы) и мыслительного процесса вне человека невозможно. Слово “произрастает смыслами” только в сознании человека: отражение формы слова (вербальный образ) включается в мыслительные динамические структуры наряду с другими вербальными образами и образами явлений действительности (“предметными” образами).

В основе рассматриваемой метафоры лежит характерное, по словам Б.М. Гаспарова, как для структурализма, так и для

Е.С. Бурякова, Е.В. Пушкарёва

КОНЦЕПЦИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
М.Н. ПРАВДИНА КАК ОСНОВА КЛАССИФИКАЦИИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЛАКУН

Понимание текста на неродном языке определяется степенью владения реципиентом данным языком, а также запасом его культурологических знаний. Недостаточное владение языком и отсутствие необходимых знаний о предмете описания могут препятствовать адекватному восприятию художественного текста.

Трудности в восприятии художественного текста инокультурным реципиентом можно описать с помощью понятия “лакуна”. Использование понятия “лакуна” в качестве инструмента описания трудностей, с которыми сталкиваются носители иного языка и иной культуры в процессе восприятия художественного текста, даёт возможность систематизировать указанные трудности, разработать классификацию лакун.

Цель данной статьи – описать и систематизировать разные типы лакун, полученных в ходе экспериментального исследования восприятия русских художественных текстов китайскими и узбекскими студентами. Указанное исследование было проведено методом анкетирования китайских и узбекских студентов, а также методом перевода с русского на узбекский язык.

В данной статье лакуны понимаются как отклонения от адекватной интерпретации русского художественного текста инокультурным реципиентом. В основу предлагаемой классификации лакун положена модель восприятия текста, которая предусматривает разграничение в сознании реципиентов двух типов образов – вербальных и невербальных – и соответственно двух уровней восприятия текста – языкового и не языкового, или образно-понятийного. Неадекватное соотнесение вербальных образов друг с другом приводит к возникновению лакун на языковом уровне, неадекватное соотнесение вербальных и “предметных” образов приводит к возникновению образно-понятийных лакун.

учащиеся в лучшем случае могли механически зазубрить, поскольку понять его невозможно.

Наибольшие возражения обычно вызывает тезис о том, что содержание буквально не заложено в тексте. Под содержанием, как правило, подразумеваются образы, понятия, эмоции, т.е. функции деятельности мозга. Вопрос о том, где и как локализована связь идеального содержания с материальной формой (буквами и звуками), в этой метафорической дефиниции не ставится. Метафора “воспринимать содержание текста”, т.е. буквально извлекать его из буквенно-звуковой формы, – проявление уже называвшейся ранее антропоморфности текста, ибо деятельность мозга (содержание текста) неотделима от самого мозга подобно тому, как ходьба неотделима от ног (пример Э. Ильенкова). Попытка в процессе анализа текста дать ответ на вопрос, что хотел сказать автор, предпринимается в большей части исследований по языку художественных произведений. Эта метафора была деметафоризирована психолингвистами (“вне акта восприятия текст представляет собой мертвую цепочку графем”, – отмечает А.А. Залевская [3, с. 24]).

Наиболее распространенной метафорой является утверждение: в материальной форме текста закодировано определенное содержание средствами языка. В основе этой метафоры лежит тот факт, что, несмотря на индивидуальные различия в восприятии, текст, например, о кислороде не может восприниматься как текст об отдыхе в Крыму. Термин “кодирование” обозначает “перевод” информации из одной системы обозначающих в другую. Буквально кодирование возможно лишь при условии жесткой поэлементной связи единиц одного и другого кода. Если говорить о мышлении (в широком смысле) и о словах, то жесткой однозначной связи между ними нет. Прочитанное или услышанное слово возбуждает, генерирует в сознании воспринимающего мысли, образы и эмоции, которые были заложены в его памяти, связаны с его (воспринимающего) опытом. В сущности, содержание любого текста существует лишь во множестве индивидуальных актов восприятия. При этом степень стабильности и вариативности содержания определяется, во-первых, степенью сходства и различий в опыте разных воспринимающих, во-вторых, степенью сложности организации

буквенно-звуковой формы текста.

Деметафоризация определения статуса содержания текста и подобных утверждений связана с интеграцией наук. В филологии значительная часть дефиниций противоречит данным психологии и философии. Этот разрыв приводит к приблизительности, метафоричности ряда лингвистических дефиниций и в конечном счете не идет на пользу развитию филологии. Преодолеть этот разрыв позволит лишь согласование методологических установок разных наук в рамках единой интегрированной научной парадигмы. Видимо, в этом заключается одна из задач зарождающегося антропоцентризма в лингвистике.

Прямым следствием имплицитного признания антропоморфности текста является определение языковой картины мира как представлений о мире, “навязанных” человеку языком: “понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от “научной” (в этом смысле употребляется также термин “наивная картина мира”) и 2) что каждый язык “рисует” свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки” [13]. Не “передавая” в буквальном смысле своего содержания, язык не может “формировать”, “навязывать” человеку представления о мире, концептуализировать мир. Свойства, приписываемые языку, гораздо точнее отнести к сфере национальной культуры, национальных свойств мышления и т.п., рассматривая язык как вторичное по отношению к мышлению и миру явление (подробнее см. об этом в [12]).

Таким образом, метафоризация ряда лингвистических дефиниций является следствием отсутствия согласованности методологических посылок лингвистики и ряда смежных с нею наук. К сожалению, развитие антропоцентрической парадигмы в современном языкознании, провозгласив курс на интеграцию наук о человеке, на превращение науки о языке в раздел человековедения, пока в полной мере не решило эту задачу. Обращение к проблеме деметафоризации лингвистических дефиниций еще раз подтверждает актуальность разработки методологических основ лингвистических исследований как важного аспекта методологии интегрированной науки о человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: “Новое литературное обозрение”, 1996.
2. Гришаева Л.И. Теория языка. – Воронеж, 2011
3. Залевская А.А. Понимание текста как актуальная психолингвистическая проблема // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1987.
4. Кашкин В.Б., Шаталов Д.Г. Метафора как средство активного познания // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 4. Воронеж: ВГУ, 2006. Адрес доступа; http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/vbkashkin_dgshatalov_metafora_kak_sredstvo_aktivnogo_poznaniya/
5. Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. – 2006. – № 2.
6. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971.
7. И.В. Полозова. Метафора как средство философского и научного познания: Автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. – М, 2003. Адрес доступа: <http://www.dissercat.com/content/metafora-kak-sredstvo-filosofskogo-i-nauchnogo-poznaniya>
8. Правдин М.Н. Логика и грамматика. – М.: УДН, 1973
9. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М.: “Вдохновение”, 1991.
10. Правдин М.Н., Степанченко И.И. Текст в акте коммуникации: к проблеме кодирования содержания // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2004. – № 1-2 (25).
11. В.М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. – М.: “Наука”, 1977.
12. Степанченко И.И. О языковой картине мира: к проблеме деметафоризации дефиниций в лингвистике // Русская филология. Вестник ХНПУ. – Харьков, 2011, № 1-2.
13. Языковая картина мира. – “Кругосвет” ®. Энциклопедия, 2001 Адрес доступа: www.rol.ru

“учение”. Испытуемые называют значение двух различных слов-омонимов: свет – “электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом”; “освещение”, “источник освещения” и др. и свет – “мир”, “окружающие люди, общество”, “высший слой привилегированных классов буржуазно-дворянского общества” (см.: [4, т. 4, с.44-45]).

Наличие в русском языке паронимической пары *мирной* – *мирный*, где *мирной* – устаревшее прилагательное, а *мирный* – межстилевое, общепотребительное прилагательное, обусловило интерпретацию испытуемыми-узбеками выражения *мирной князь* (Верст шесть от крепости жил один мирной князь; Я... узнал моего старого знакомого Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб не мирной. – Лермонтов М. “Герой нашего времени”) как “миролюбивый князь” (ср. *мирный* в значении “любящий мир, согласие, не склонный к вражде, ссорам” [4, т. 2, с.276]) или “тихий человек” (ср. *мирный* в значении “чуждый” волнениям, спокойный, тихий” – [Там же]).

Толкование незнакомых испытуемому слов может осуществляться на основе ложных ассоциаций, среди которых можно выделить:

а) фонетические ассоциации. Например, семантизация узбекскими студентами слова *дрожки* из отрывка *И вы, красотки молодые, // Которых позднее порой // Уносят дрожки удалые // По петербургской мостовой...* (Пушкин А. “Евгений Онегин”) как “друзья”, “дорожки, дороги” (ср. *дрожки* и *дружки/ друзья; дрожки* и *дорожки*); объяснение значения слов *галуны* и *облучок* (Лермонтов М. “Герой нашего времени”) соответственно как “головной убор” (ср.: *галуны* и *голова*) и “облако”;

б) фонетико-семантические ассоциации, в частности, влияния слов родного языка, сходных по звучанию и близких по значению. Например, слово *кафтан* (*кафтаны на них выложены* – Лермонтов М. Там же) было интерпретировано узбекскими реципиентами как “длинный халат с узорами”: созвучие узбекского *тун* (“национальная узбекская одежда”; “халат”) с последними звуками русского *кафтан* подкреплено семантически (названные существительные узбекского и русского языков принадлежат к одной тематической группе слов – “Одежда”).

Механизм восприятия текста на двух уровнях его содержательной структуры, а также механизм связывания языковых и мыслительных единиц в сознании реципиента обоснован в трудах М.Н. Правдина (см., в частности, [3]), а также в трудах И.И. Степанченко (см., в частности, [5]). Опираясь на указанные работы, модель восприятия текста можно представить следующим образом: словесный образ (образ материальной формы слова – последовательности звуков или букв) связывается в мозгу индивида с соответствующими “предметными” образами посредством условного рефлекса. Слово как условный раздражитель возбуждает в мозгу реципиента соответствующие вербальные и “предметные” образы. Владея связями между двумя типами образов, реципиент осуществляет переход от вербальных к другим вербальным и “предметным” образам. Содержание текста, следовательно, можно представить как мыслительный процесс перехода от вербальных к другим вербальным и “предметным” образам, возбуждаемым в мозгу реципиента при восприятии текста (подробнее об этом см.: [3, с. 158 – 195] и [5, с. 26 – 30]).

В соответствии с двумя типами образов можно выделить два уровня содержательной структуры текста – языковой (уровень оперирования словесными образами) и мыслительный, или образно-понятийный (уровень оперирования “предметными” образами и понятиями). Выделенные уровни являются двумя сторонами одного речемыслевого процесса.

При таком понимании речевой коммуникации, как указывает М.Н. Правдин, важно учитывать всё то, что связано с целостным психофизическим процессом восприятия, поскольку именно в процессе восприятия языковой формы текста в сознании воспринимающего “рождается (а не передаётся ему в готовом виде) то, что мы называем содержанием текста. При этом содержание текста (не только мысли, но и образы, и эмоции) – не результат, не продукт определённой мыслительной деятельности (это справедливо в равной мере и в отношении автора текста, и в отношении воспринимающего текст), а сама мыслительная деятельность во всей её сложности” [3, с. 165].

М.Н. Правдин также обращает внимание на то, что речь

(устная или письменная) является лишь одним из средств возбуждения мысли наряду со многими другими средствами. Вся ситуация речевого общения является средством воздействия на мысли и чувства человека, причем сама речь в этой ситуации может оказаться не обязательно главным средством воздействия. В то же время умелое использование других компонентов речевой ситуации повышает действенную силу речи (на этом, в частности, основано использование различных средств наглядности в процессе обучения языку) [Там же].

Концепция речевой коммуникации М.Н. Правдина имеет существенное значение для методики преподавания иностранного языка, а также для разработки теории лингвокультурных лагун. Ниже рассматриваются разные типы лагун, классифицируемых с учетом теоретических положений, выдвинутых в научных трудах М.Н. Правдина и И.И. Степанченко.

Фонетические лагуны. Фонетические лагуны возникают при неадекватном восприятии звуковой формы текста вследствие несовпадения фонологических систем языка, на котором говорит реципиент, и языка, на котором создан текст. Например, стажер из Китая воспринял сочетание “молодой барин” (Пушкин А. “Барышня-крестьянка”) как “молодой парень”. Отождествление звукокомплексов [ббр’ин] – [пбр’ьн] обусловлено тем, что в китайском языке шумные согласные не различаются по признаку глухости/звонкости. Таким образом, неадекватная рецепция указанного отрезка текста при аудировании определяется несовпадением систем согласных фонем русского и китайского языков.

Лексические лагуны. Лексические лагуны включают собственно лексические и лексико-семантические лагуны. Собственно лексические лагуны включают следующие разновидности лагун: 1) звукокомплекс осознаётся как слово, но не соотносится с определённым предметным образом (испытываемый выделяет это слово в анализируемом тексте как непонятное); 2) звукокомплекс не осознаётся как слово (испытываемый не знает данной языковой единицы); 3) звукокомплекс ошибочно осознаётся как другое слово.

Как непонятные студенты-узбеки, например, выделяют в

тексте преимущественно слова, входящие в пассивный словарный фонд русского языка, а также слова этнографизмы.

Примером неадекватного восприятия отрезка текста, когда звукокомплекс не осознаётся как слово, является перевод узбекскими испытуемыми стихотворной строки *Ты мила мне, родимая выть* (Есенин С. “Низкий дом...”) как “Ты меня вымыла, родная”. Воспринимающий совместил два звукокомплекса в один: *мила и выть – вымыть*.

Звукокомплекс осмысливается как другое слово по следующим причинам:

– смешение лексических омонимов, паронимов, омографов;

– ложные ассоциации (фонетические, семанτικο-словообразовательные и др.).

Причиной смешения омонимов, как правило, является неравноценность лексических омонимов с точки зрения их употребления, а именно: слово воспринимаемого текста может быть ограничено в употреблении и мало известно (либо не известно) испытуемому, в то время как омонимичное слово является общеупотребительным. Например, разговорное *малый* (“употребляется для обозначения человека (мужчины) как носителя каких-либо качеств”) ([4, т.2, с.223]) в отрывке *Отец её был добрый малый // В прошедшем веке запоздалый...* (Пушкин А. “Евгений Онегин”) ошибочно осознаётся как омоним *малый* (“незначительный по величине, размером”; “незначительный по силе, степени проявления” и др. (см.: [4, т.2, с.222 – 223]), который относится к нейтральной лексике и входит в активный лексикон испытуемых. Выражение *добрый малый* было интерпретировано узбекскими учащимися как “добрый, но незаметный человек”, “имеющий малый чин”, “имеющий низкий уровень развития”, “мужчина маленького роста”, “не очень добрый”, “не очень богатый”.

Ср. также интерпретацию той же группой испытуемых слова *свет* (*Вот мой Онегин на свободе...и наконец увидел свет; Другие, строгие заботы//И в шуме света и в тиши//Тревожат сон моей души* – Пушкин А. “Евгений Онегин”) как “жизнь”, “мир”, “общество того времени”, “день”, “счастье”, “свобода”,

К синтаксическим лакунам относится неадекватное восприятие текстовых отрезков, связанное с неадекватным определением грамматического значения определённых синтаксических структур. Например, сочинительное словосочетание *березь да цветъ* (Есенин С. “Низкий дом...”) было переведено как подчинительное, образованное на основе управления (“цветок белой березы” и “цвет (окраска) белых берез”) и согласования (“березовый цвет”). Приведенные варианты перевода рассматриваются на фоне адекватной передачи синтаксической конструкции *березь да цветъ* путем подбора таких эквивалентов, как “береза и цветок/цветы”. При этом эквиваленты, соответствующие сочинительному словосочетанию, ближе к адекватному осмыслению окказионализмов (в то время как неадекватный перевод синтаксической структуры сопровождается лакуной на лексическом подуровне).

Характеристикой данного подтипа завершается анализ языковых лакун.

Образно-понятийные лакуны. Образно-понятийные лакуны, в отличие от языковых лакун, возникают при отсутствии языкового барьера. Реципиент, понимая каждое слово в отдельности и адекватно устанавливая грамматическую связь между словами, вместе с тем неадекватно воспринимает определённые отрезки текста.

В том случае, если при рецепции художественного текста в сознании испытуемого сформировался неадекватный “предметный” образ, имеет место образная лакуна.

Одной из причин появления данной разновидности лакун является отсутствие у испытуемого энциклопедических знаний, необходимых для адекватной рецепции того или иного отрезка текста. Например, выражение *летнею порою...прозрачно и светло/ / Ночное небо над Невою* (Пушкин А. “Евгений Онегин”) адекватно интерпретируется русскими реципиентами как “белые ночи”, поскольку в сознании носителей русского языка сформирован соответствующий “предметный” образ. Сигналом для возбуждения этого образа является слово *Нева*, так как город на Неве ассоциируется у русских с белыми ночами.

в) семантико-словообразовательные ассоциации. Неразграничение испытуемыми узбеками производных от *глухой* (*глушь* и *глухота*) обуславливает появление следующих вариантов перевода строки *И пропасть не хотел бы в глуши* (Есенин С. “Низкий дом...”): “В уши слышать не хочу” и “Без голоса пропасть не хочу”.

В качестве примера ложного прогнозирования проанализируем перевод на узбекский язык выражения *низкий дом с голубыми ставнями* (Есенин С. “Низкий дом...”). В ходе эксперимента было получено несколько вариантов перевода: “С голубым стеклом низкий дом; “Низенький дом с синей опорой”; “С голубой дверью низенький дом”.

Трудность в переводе представляет слово *ставни*, которое обозначает неизвестную узбекским учащимся реалию и не имеет эквивалента в виде слова в узбекском языке: на узбекский язык данное слово можно перевести перифразами “двери на окнах” или “оконные двери”. Интерпретацию данного слова испытуемые осуществляют на основе смысла, прогнозируемого контекстом. Последний “подсказывает” испытуемым определенный круг слов, служащих для наименования т.н. “частей здания, строения для жилья”. Кроме того, эпитет *голубые* [ставни] обуславливает подбор эквивалентов при переводе данного существительного: “окно” / “стекло” (ср. привычное сочетание *голубые окна*). Перевод слова *ставни* как “столб” / “опора” обусловлен тем, что испытуемые мотивируют значение данного слова его внутренней формой; существительное *ставни* (ср. “ставить”) соотносится ими с предметом (частью сооружения), который ставится вертикально.

Наличие эпитета в некоторых случаях позволяет адекватно прогнозировать значение непонятого испытуемому слова. Так, значение слова *выть* (*Ты мила мне, родимая выть* – Есенин С. Там же) узбекские учащиеся определяют через семантику прилагательного *родимый*, поясняющего данный диалектизм. Словосочетание *родимая выть* было переведено как “мать-родина”, “родная земля”, “мать-природа”. Данная интерпретация близка к адекватной, поскольку слово *выть* (“доля”, участок, надел в земле, лугах” (1, т.1, с.322) в контексте есенинского стихотворения употреблено в значении “родная земля”.

Одной из причин возникновения лексико-семантических лагун является то, что испытуемые владеют не в полном объеме парадигмой лексико-семантических вариантов того или иного слова. В сознании испытуемого сформирован, как правило, только тот круг образно-понятийных ассоциаций, который соотносится со словом в его прямом употреблении. Это обуславливает возникновение неадекватного образа при восприятии отрезка текста, включающего данное слово в переносном значении. При этом необходимо разграничивать случаи, когда слово приобретает новое значение в данном контексте (и испытуемые не понимают слово в его контекстуальном значении), и случаи, когда переносное значение слова закреплено в языке, а испытуемые владеют данным словом в его прямом значении.

Как лексико-семантическую лагуну следует квалифицировать, например, перевод на узбекский язык словосочетания *тощие дали*. Испытуемые не устанавливают связь на собственно языковом уровне содержательной структуры текста между членами словосочетания, опускают при переводе слово *тощие*, хотя знают эквивалент родного языка к этому слову – *озгин* (“худой, тощий”). Двустипшие *Полюбил я седых журавлей // С их курлыканием в тощие дали* было переведено в таких подвариантах: “Полюбил я белых журавлей. // Их курлыкание издалика” и “Полюбил я белых журавлей. // Их далекие крики”.

Неадекватность восприятия метафоры *тощие дали* вызвана тем, что в русском языке прилагательное “тощие” в неметафорических словосочетаниях не вступает в синтагматические связи с неодушевленными существительными. Определяемым словом в таких сочетаниях является, как правило, антропоним или зооним. Поиск в контексте стихотворения слова, совместного на языковом и образно-понятийном уровнях с эпитетом *тощие*, приводит узбекских учащихся к следующему варианту перевода: “Полюбил я тощих журавлей. // Их голос слышно издалика”, где прилагательное *тощие* определяет существительное *журавли*, замещая позицию прилагательного *седые*.

Грамматические лагуны. Грамматические лагуны

включают морфологические и синтаксические лагуны. К морфологическим лагунам следует отнести неадекватное определение грамматического значения слова. Так, узбекские учащиеся затрудняются определить грамматическое значение предлога по “в соответствии с чем, согласно с чем”, о чем свидетельствует неадекватная интерпретация выражения *по чинам* (*И за столом у них гостям//Носили блюда по чинам* – Пушкин А. “Евгений Онегин”) как “по очереди”.

Морфологическая лагуна может быть также обусловлена соединением испытуемыми в одну грамматическую пару слов, которые в русском языке не объединены общим грамматическим значением. Примером такой лагуны является перевод словоформы хлеба (в просторах полей // они (журавли) сытных хлебов не видали – Ес. “Низкий дом...”) на узбекский язык как *нон*, что означает хлебо-булочное изделие.

Слово *хлеб*, употребляемое в значениях “пищевой продукт, выпекаемый из муки” и “зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта”, не образует форму множественного числа (см. 4, т. 4 с. 601). Вместе с тем *хлеб* как “зерновые (рожь, пшеница)” употребляется преимущественно в форме множественного числа – *хлеба*. Данному многозначному слову русского языка соответствуют разные лексемы узбекского языка. Так, хлеб “печеное изделие” эквивалентно узбекскому *нон*, а форма *хлеба* соотносится с узбекским *дон экилари*.

При переводе в качестве эквивалента к *хлеба* испытуемыми было подобрано слово *нон* (*дон экилари* ни одним из испытуемых не было приведено). Узбекские учащиеся ошибочно соотносят формы *хлеб* (только ЕД.) и *хлеба* как формы единственного и множественного числа аналогично парам *стол* – *столы*, что обуславливает неадекватную интерпретацию слова *хлеб* и на лексико-семантическом подуровне: испытуемые отождествляют формы *хлеб* (“пищевой продукт”) и *хлеба* (“хлебный злак”) по определяемым ими понятиям. Однако эта лагуна должна быть названа морфологической, поскольку указанное отождествление осуществляется на основе соединения рассматриваемых форм в одну грамматическую пару.

фуражки с сияющим козырьком и кокардой – начальник Стручкова и его сослуживцев”), в то же время объединяет лексические единицы текста только в парадигму “Страх”: *Чиновники поглядели друг на друга и побледнели; – Это его фуражка! – прошептали они; – Да, он здесь, пробормотал Стручков; Выйдемте, господа!... Подождём, пока он уйдёт.* Ср. интерпретацию поведения чиновников, данную испытуемыми:

“Это фуражка какого-то начальника. Поэтому, увидев эту фуражку, чиновники из компании Стручкова побледнели”; “Чиновники ушли, потому что у Стручкова сидел незваный гость, которому они подчинялись и боялись его”;

“Автор использовал слово пробормотал, чтобы показать, что Стручков со страху очень тихо, испуганно говорит”.

Указанный вариант осмысления не учитывает всю полноту связей, которые можно установить между единицами данного текста на образно-понятийном уровне его восприятия, в частности, центральная парадигма рассказа “Жена Стручкова” в этой интерпретации не представлена совсем. Такой вариант осмысления художественного текста следует охарактеризовать как адекватный, односторонний (поверхностный).

В данной статье была представлена классификация лингвокультурных лакун, в основу которой положены теоретические взгляды на процесс речевой коммуникации, обоснованные в трудах М.Н. Правдина и ряда других ученых ([2; 5]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., 1989—1991.
2. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – Изд. 2-е, дополн. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 554 с.
3. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М.: Вдохновение, 1991. – 229 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
5. Степанченко И.И. Поэтический язык С. Есенина. Анализ

При рецепции рассматриваемого отрывка узбекскими испытуемыми адекватный образ не возникает, что обусловлено незнанием специфического для России природного явления и, соответственно, отсутствием этого образа в сознании узбекских учащихся. В ходе эксперимента испытуемыми было дано несколько вариантов неадекватных ответов: “Прозрачно и светло небо от солнечных лучей, которые освещают его во время заката”; “Небо светло, потому что светит блеском луна”; “Прелестно описывается петербургская ночь”; “Небо кажется автору прозрачным и светлым потому, что навеивает воспоминанием о прежней любви”. Выражение было воспринято как метафора (последний вариант ответа). При этом неметафорическое выражение было воспринято как метафора (последний вариант ответа).

Узбекские учащиеся неадекватно воспринимают также те отрезки текста, в которых отражены специфические бытовые реалии, приметы русского, в частности крестьянского быта.

С целью выявить “предметный” образ, который возбуждает в сознании испытуемых выражение *низкий дом с голубыми ставнями* (Есенин С. “Низкий дом...”), им было предложено семантизировать данную лексическую единицу рисунком.

Узбекские учащиеся воссоздают образ низкого дома с голубыми ставнями на основе национального опыта, в соответствии с национально-специфическими представлениями. Половиной испытуемых на рисунке была изображена пристройка к дому в виде крыши на четырех опорах (т.е. открытая терраса) – неотъемлемая часть узбекского жилища, которая носит название *айвон*. Часть испытуемых изображала низкий дом с голубыми ставнями в виде русской бревенчатой избы, но без привычного атрибута – ставен.

Возникновение понятийной лакуны обусловлено включением неадекватного либо обобщённого образа в неадекватные связи с другими “предметными” образами, возбуждаемыми при рецепции текста. Причиной появления понятийной лакуны также может стать включение адекватного образа в адекватные связи, но с минимальным количеством

текстовых единиц. При этом вне восприятия остаются ключевые для осмысления единицы текста. В качестве иллюстрации указанной разновидности лаун рассмотрим некоторые варианты рецепции рассказа А.П. Чехова “На гвозде” узбекскими учащимися.

Рассказ “На гвозде” более имплицативен в решении темы чиновничества, чем, например, известные чеховские новеллы “Толстый и тонкий” и “Смерть чиновника”. В частности, в нём отсутствуют диалоги между мелкими и крупными чиновниками, включающие речевые показатели раболепия (т.н. лингвосоциогаммы), а также отсутствуют эксплицитно выраженные оппозиции “мелкий чиновник – крупный чиновник” (ср. комические новеллы “Толстый и тонкий” и “Смерть чиновника”, где противопоставление “мелкий чиновник – крупный чиновник” эксплицируется оппозициями *коллежский асессор – тайный советник, экзекутор – статский генерал*). Отсутствие подобной оппозиции в рассказе “На гвозде” обусловлено тем, что в нём конкретно не названы два персонажа (гости мелкого чиновника Стручкова), которые занимают высокие посты согласно таблицы о рангах. В рассказе содержится лишь одна конкретная деталь, касающаяся этих персонажей: указан головной убор, обладателем которого является каждый из них: новая фуражка с сияющим козырьком и кокардой и кунья шапка. Наличие в тексте лишь косвенной характеристики ключевых персонажей, к которым относятся крупный чиновник Прокатилов и обладатель новой фуражки с сияющим козырьком и кокардой, имя которого в рассказе не названо, обусловило появление наряду с конкретным (и адекватным) образом “гость Стручкова – его начальник / “гость Стручкова – высокопоставленное лицо” образа обобщённого: “один человек/этот человек”. Вот несколько вариаций данного варианта восприятия:

- “Это была фуражка одного человека, которого они боялись”;
- “У них, наверное, были нехорошие отношения с этим человеком”;
- “По-моему, они ее (кунью шапку) где-то видели и не

хотели увидеться с её хозяином. Может, он был плохим человеком”.

Появление обобщённого образа “один человек” / “этот человек” при рецепции рассказа “На гвозде” обуславливает неадекватное осмысление рассказа в целом. Так, испытуемые-узбеки не воспринимают рассказ “На гвозде” как произведение о чиновничьей среде: лексические единицы, образующие на образно-понятийном уровне парадигму “Чиновники”, в частности, выражения *Час у твоей посидит, да зато тебе... десять лет блаженства* и *Все перепортила карьера Стручкова*, не были поняты. Неадекватно был осмыслен также каламбур *Гусем у тебя пахнет, потому что гусь у тебя сидит*, где содержится иронический намёк на важную особу. Значительная часть испытуемых неадекватно толкует вторую часть каламбура: “Чиновники из компании Стручкова ненавидели этого человека, поэтому сравнивали его с гусем”.

Возникновение в сознании некоторых узбекских реципиентов указанного обобщённого образа обусловило не только неадекватное осмысление, но и непонимание рассматриваемого рассказа. В работах, где была зафиксирована ошибка на образном уровне восприятия, испытуемые наиболее часто дают ответы “Не знаю”, “Не понимаю” на большинство вопросов, касающихся произведения. Ср. также один из ответов испытуемых: “Смысл рассказа мне почти не понятен. Я не понял, о чём хочет сказать Чехов в этом рассказе”.

Неадекватные варианты восприятия чеховской новеллы, рассмотренные выше, обусловлены включением неадекватного либо обобщённого образа в неадекватные связи с другими “предметными” образами, возбуждаемыми при рецепции художественного текста.

Неадекватное осмысление данного рассказа в ряде случаев обуславливалось также включением адекватного образа в адекватные связи, но с минимальным количеством текстовых единиц. При этом вне восприятия остаются ключевые для осмысления единицы текста. Так, целый ряд узбекских учащихся, адекватно воспринимая рассказ на образном уровне (в сознании испытуемых возникает адекватный образ “обладатель новой

и реализующуюся в акте коммуникации в соответствии с интенцией автора. Структурная и смысловая организация текста вследствие этого имеют определенные закономерности. Они проявляются и в линейном развертывании смыслов от знака к знаку, и как понимание, интегрированный смысл, воссоздаваемый на основе этого развертывания. Соответственно и смысловая структура текста выстраивается в направлении линейном (синтагматическом) и системном (парадигматическом). Традиционно считается, что синтагматика текста – это его материальное воплощение, последовательность, цепочка графических символов текста, которая является основой для формирования интегрированного смысла, т.е., результата осмысления текстовой информации. Осмысление текстовой информации происходит вследствие обдумывания предлагаемого автором содержания, и в результате использования воспринимающим своего личного жизненного опыта, воображения, ассоциаций. Понятно, что линейное развертывание текста, его синтагматика, как последовательность графических знаков текста, во многом предопределяет способность воспринимающего к адекватному отражению передаваемого смысла, но совсем не исчерпываются этим, поскольку понять смысл художественного текста, будь то поэтического или прозаического, просто следуя за линейным его развертыванием, недостаточно. Хотя, как отмечает М.Н. Правдин, “линейность” речемыслительного процесса остается ведущим принципом “поскольку движение сохраняет от начала до конца свой поступательный характер и связывает единицы текста в одну сложную, неслучайную, но в целом скрытую от наблюдателя и не совпадающую с физической “линейностью” последовательность. [7, с.130]. При этом, делает вывод ученый, “физическая “линейность” текста (устного или письменного) не совпадает с “линейностью” речемыслительного процесса при действительном восприятии текста или при его порождении” [7, с.129]. М.Н. Правдин считает важным в актуализации речемыслительного процесса учет связей и отношений не только контактно расположенных в тексте единиц, но также и отношения и связи “единиц, расположенных дистантно и, самое главное, не только

К.В. Нестеренко

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО

Художественный текст в последние десятилетия стал одним из основных объектов филологического анализа. Как форма существования культуры, как отображение общественной и индивидуальной жизни, как продукт определенной исторической эпохи и творение индивидуального сознания, художественный текст является способом хранения и передачи информации, формирования интеллектуальной и эмоциональной сфер личности. Это – коммуникативная единица, связывающая автора и читателя во времени и пространстве.

Многочисленные работы по лингвистике текста (Ю.М. Лотман, Л.А. Новиков, Н.С. Болотова, Н.А. Николина, Г.А. Золотова, Б.А. Ларин, Е.С. Кубрякова, В.А. Лукин, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, З.Я. Тураева, Л.А. Петрова, А.А. Ворожбитова, Н.Ф. Алиференко, К.А. Филиппов, М.Я. Дымарский и мн. др.) посвящены как целостному его анализу, так и отдельным аспектам структуры, семантики и его функционирования. Как сложное и многообразное явление художественный текст изучается “с различных сторон и в различных аспектах, но начало каждого из изучений лежит в специфических и конкретных исследованиях частных тем” [4, с. 9]. Такими частными темами могут быть ситуация создания, тематика и проблематика, сюжет, жанр и композиция, язык и стиль, образы и средства создания образности, мотивы, символы, средства формирования авторской позиции и многое другое.

Изучение текста как “первичной данности” (Бахтин), многообразие объектов и аспектов его изучения определили и многообразие подходов к его анализу. Основы филологического анализа художественного текста заложены в трудах таких ученых, как А.А. Потебня, М.М. Бахтин, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев и др. Собственно языковедческий или лингвистический анализ художественного текста проводится на основе различных подходов –

лингвокультурологического (А.А. Потебня, Ю.С. Степанов, Г.А. Антипов); структурно-семантического (Ю.М. Лотман и Тартуская школа), образно-стилистического (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Л.А. Новиков, М.Н. Кожина); когнитивного (Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова); психолингвистического (А.А. Потебня, А.А. Залевская, Л.В. Выготский, Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, И.А. Зимняя); герменевтического (В.А. Кухаренко, В.З. Демьянков, К.А. Долинин); функционального (Н.А. Рудяков, О. В. Лещак, И.И. Степанченко). При всем многообразии подходов к исследованию художественного текста важнейшим следует признать коммуникативный подход, рассматривающий текст с позиций акта коммуникации, как звено в триаде “автор – текст – читатель”.

С позиций коммуникативного подхода исследование текста возможно в двух направлениях - в связи формированием и воплощением замысла, текстопорождением, и в связи с восприятием текста. В самом общем плане порождение речи есть ментальные операции “смысл — текст”, а его восприятие – операции “текст – смысл”. При этом, “исследуя текст, мы неизбежно моделируем процесс его порождения и восприятия (очевидно, вне анализа восприятия анализ текста вообще невозможен)”, – пишет И.И. Степанченко [9, с. 58]. Воспринимая текст, читатель как бы воспроизводит подобие событий и образов, придавая им собственную тональность, моделируя собственную реальность. При этом происходит узнавание, опознание тех фактов, событий, идей, того духовно-исторического опыта, который представляет автор. Семантический контекст, определяемый на основе языковых средств, понятных большинству членов общества, на основе построения текста, его референциальной соотнесенности, помогает и обуславливает адекватное восприятие художественного текста читателями. “Особенностью художественного текста ... является то обстоятельство, что он претерпевает не одно рождение, а их бесконечное множество. Ибо текст существует в момент своего порождения при осмыслении автором отражаемой в нем действительности и в момент восприятия при осмыслении его

читателем. Интерпретируя текст, читающий (слушающий) не просто получает информацию, а как бы творит ее”, – отмечает И.А. Солодилова [8, с.143]. Текст, как часть коммуникативной ситуации, следует рассматривать как комплексное речевое действие, при котором автор, устанавливая коммуникативную связь с читателями, может достичь основной цели коммуникации – воздействие на воспринимающего. Прагматика художественного текста “может рассматриваться как авторская работа над текстом”, – считает А.А. Мецлер [5, с. 30].

Анализируя художественный текст в коммуникативном аспекте, мы, естественно, учитываем и его категориальные признаки: информативность, структурно-семантическую связность и содержательность, завершенность и целостность, интенциональность и авторскую модальность (аксиологичность).

Коммуникативный подход к исследованию функционирования языковых единиц в художественном тексте (Г.А. Золотова, Н.А. Болотнова и др.) замечен и в работах М.Н. Правдина, полагавшего, что, говоря об отношениях элементов в языке “вне функционирования”, т.е. коммуникации, нет смысла.

В ряде своих работ и в своей монографии “Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке”, вышедшей в Москве еще в 1991 году, М.Н. Правдин, опираясь на диалектический метод, обращается к методологическим вопросам языка и его анализа – к проблеме знака и значения, означающего и означаемого, общего и субъективного, материального и идеального, абстрактного и конкретного, и, собственно, мышления и языка. Все эти проблемы тем или иным способом проявляются и актуальны для исследования всех языковых явлений, в том числе, и художественного текста. Большое значение ученый придавал исследованию взаимосвязи таких понятий как “знак”, “значение”, “понятие”, “толкование”, связывая их с процессами мыслительной деятельности человека и коммуникации.

Рассмотрим коротко некоторые категории художественного текста в связи с позициями автора и читателя на основе коммуникативного подхода. Итак, художественный текст должен иметь структурную и смысловую упорядоченность и заключать определенную информацию, последовательно развертывающуюся

текста, а их сложное взаимодействие обеспечивают целостность текста. Определению темы способствуют лексико-семантический состав текста и сильные позиции в нем – заглавие, начало и окончание. Необходимы также фоновые знания, представляющие собой не только собственно языковые знания, но и сведения исторического, культурного, социального характера.

Одной из особенностей восприятия литературного произведения является переживание читателем событий произведения с точки зрения основного действующего лица, сопереживание ему. Основное действующее лицо в произведении может быть представлено автором (повествование о третьем лице), а может вести повествование от первого лица [см. 3]. Помимо этого, часто необходимо еще и появление у читателя чувства симпатии к нему. Для того чтобы литературный персонаж был запоминающимся, автор, как правило, выделяет и подчеркивает какую-либо особенность в его внешности, поведении, характере, речи, наделяя таким образом свой персонаж чертами индивидуальности и как бы “оживляя” его.

Развитие действия художественного произведения является непременным условием творческой и эмоциональной вовлеченности читателей. Традиционными элементами развития действия, как известно, являются завязка, развитие сюжета, кульминация и развязка. Завязка действия, описание определенного события, с которого действие начинается и, благодаря которому, возникают последующие события, важно для восприятия художественного текста, но для каждого индивидуального читателя определенные другие события также могут играть существенную роль.

Изучение текста художественной литературы дает возможность рассмотреть всю совокупность лингвистических средств, функционирующих на уровне текста, при этом учитывается общая прагматическая ориентация текста, направленная на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – М.: Наука, 1978. – 176 с.

отношения и связи в тексте “выраженные”, но и “невыраженные” отношения и связи, более того, не только отношения и связи, которые охватывают присутствующие в тексте единицы, но и отношения и связи между единицами, в тексте присутствующими” и в тексте “отсутствующими” [6, с.130]. По мнению А.А. Брудного, понимание - это последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и перемещение мысленного центра ситуации от одного ее элемента к другому. При этом значимость связей между элементами ситуации меняется. Главное в процессе понимания заключается не только в установлении связей, а в определении их значимости, создании индивидуальной проекции текста, формирование личностного представления о прочитанном [2, с.130].

Линейность речи обуславливает определенный порядок следования элементов сообщения. При этом мы помним, что различные элементы сообщения имеют разную коммуникативную значимость, и что выбор порядка следования элементов сообщения играет немаловажную роль в коммуникации. Соответственно своему коммуникативному намерению автор выстраивает текст, в котором каждый элемент выполняет определенную функцию и одновременно служит разворачиванию сообщения (художественного текста).

Исследование особенностей смыслопостроения через словесные образы как средства актуализации скрытых смыслов в художественном тексте является составной частью проблемы научного лингвистического описания художественного текста. Традиционно в этом смысле речь идет о подтексте, глубинных и скрытых смыслах, пресуппозициях, импликациях и пр. Использование различных терминов для описания так называемой “языковой невыраженности” в тексте информации весьма разнообразно и связано с различными направлениями, в рамках которых исследуется текст (прагматика, лингвистика текста, традиционная стилистика, филологическая герменевтика).

Изучение скрытых смыслов текста осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, определяется их природа и место в структуре текста, а во-вторых, анализируются текстовые элементы, за счет которых и возникает смысловая осложненность.

Полемизируя с представителями семиотической теории, теории декодирования, М.Н. Правдин настаивал на том, что наука о языке должна обратиться непосредственно к человеку с присущим только ему умением мыслить и излагать свои мысли, пользуясь языком. Как писал В. Бондарко, необходимо разграничивать понятия значение и смысл, поскольку смысл может быть передан не только языковыми, но и неязыковыми средствами. В.Бондарко говорит о смысле как о содержании отражательной деятельности человека [1, с. 50-51].

С точки зрения речемыслительного процесса, продолжает рассуждать М.Н. Правдин, противопоставление синтагматических (“актуальных”) и парадигматических (“потенциальных”) отношений теряет смысл [7, с. 130]. Парадигматические отношения, по М.Н. Правдину, – это “внутриклассные”, “образец”, правило обращения, и объединение элементов в парадигму (совокупность) осуществляется по общему образцу. Таким образом, проявляется функциональный подход к определению содержания, смысла языковых единиц в их “актуализации”, т.е., в речемыслительном процессе. При понимании художественного текста еще до чтения его читатель может иметь даже минимальную предварительную информацию о нем (а может и не иметь), знать его тему, объем, жанр, что в определенной мере формирует его ожидания и направляет восприятие.

С позиции автора содержание художественного текста возникает в соответствии с замыслом и характеризуется поставленной им коммуникативной задачей (интенцией). Установка автора на реакцию воспринимающего проявляется, прежде всего, в выборе жанра произведения, его композиции, описываемых событий, героев, а также в формальном членении предлагаемой информации. Формальное членение текста (часть, глава, абзац, сверхфразовое единство) способствует оптимальной с точки зрения замысла организации информации в тексте и ее восприятию. Сюда же подключаются и временные, пространственные и причинно-следственные отношения. При этом, как мы уже отметили, ссылаясь на М.Н. Правдина, у читателя не всегда процесс понимания происходит на уровне синтагматики, поскольку, отметим еще раз, “физическая линейность текста

(устного или письменного) не совпадает с “линейностью” речемыслительного процесса при действительном восприятии текста или его порождении” [6, с. 63]. “Воспринимая текст, реципиент “переходит” от речевой синтагматики к установлению на образно-понятийном уровне связей между определенной исходной единицей и совокупностью других единиц, не связанных с исходной синтагматически, т.е. к образно-понятийным системам парадигматического типа”, – пишет И.И. Степанченко [9, с.32].

Как автор не может передать всю информацию сразу (тематические отношения), так и реципиент (читатель) не может воспринимать все информацию, заключенную в художественном тексте, последовательно и одновременно. Как правило, в процессе восприятия текстовая информация может члениться на фрагменты. Анализ художественного текста происходит по логико-грамматической схеме при участии механизма воображения (диссоциация образов прошлого опыта, синтез образных элементов, акцентирование и т. д.), которые, как правило, не осознаются читателями. Непосредственный характер анализа и восприятия художественного текста не является природным, а опосредствован сознательным овладением навыками анализа в процессе обучения или самостоятельно в практике чтения художественной литературы.

Читатель может быть ориентирован на определенное восприятие следующими особенностями структурно-семантической организации художественного текста. Это, прежде всего, жанр и общий строй произведения. Очевидно, что отношение к персонажам литературной баллады и их восприятие читателями будут отличаться от их отношения к персонажам повести и их восприятию. Обычно читатели ориентируются в жанре произведения, им помогает также заглавие, можно опираться на начало текста и на некоторые другие более косвенные признаки. Благодаря указанию на место и время действия произведения, читатель подключает в работу воображения образные обобщения своего прошлого опыта, свои общие знания.

Важным в процессе понимания текста является и определение его темы. Тема текста обычно бывает представлена несколькими подтемами. Подтемы подчинены основной теме

единство значения и формы в пределах знака, у Соссюра не основывается на идее диалектического снятия противоположности (как в диалектическом материализме). Понимание это зиждется на идее функционального и прагматического отношения (*значимости; valeur*) между дистинктивно расставленными позициями. Как и Кант, Соссюр реляционист. Для него как сущности, так и феномены по сути своей не субстанциональны, а реляционны. Как речевой поток, так и языковая система, как значение, так и форма знака (равно как и знак целиком), согласно Соссюру, это функции, отношения, связи, зависимости, а не субстанции.

Правдин пишет, упрекая Соссюра в запутанности в проблемах абстрактного и конкретного, идеального и материального: “Противопоставляя в целом абстрактное конкретному, Соссюр весьма противоречиво понимает сами эти противоположности. В одном ряду у него оказываются такие категории, как конкретное, чувственное, психическое, осознаваемое, реальное, материальное. Смещение чувственного (психического) и материального не в последнюю очередь объясняется, надо думать, тем, что Соссюр считает ненужным “беспокоиться о том, что могло вызвать... чувство”. С другой стороны, понятие (абстрактное) оказывается у Соссюра в ряду следующих категорий: психическое, мысль, абстрактная сущность, грамматическая абстракция, придуманные грамматические понятия, фикция, чистая абстракция, создание нашего разума (не имеющее “никакого реального существования”)” [1, с. 25]. Соссюровское абстрактное - конкретное не имеет того же характера, что в диалектическом материализме. Конкретное у него – это идиосинхронное, а абстрактное – панхроническое. Кроме того, конкретное – чувственно-психическое, а абстрактное – психомыслительное. Физическое он вообще не берет в расчет как нерелевантное.

“Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещь чисто физической, а психическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем (очевидно, о материальном звучании – М.П.) посредством наших органов

2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт. 1998. – с.336.

3. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. // Н.А. Кожевникова. – М.: Ин-т русск. яз. РАН, 1994.

4. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. / Д.С. Лихачев. – Ленинград: Сов. писатель, Ленинградское отд., 1981. – 215 с.

5. Мецлер А.А. Прагматика коммуникативных единиц. // А.А. Мецлер/ Кишинев: Штиинца, 1990.

6. Правдин М.Н. К вопросу о формах презентации языка в учебнике (Синтагматика и парадигматика) // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Рус. яз., 1980.

7. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М.: Вдохновение, 1991. – 231 с.

8. Солодилова И.А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла. Учебное пособие для студентов III курса. - Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – 153 с.

9. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики). – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.

О.П. Присяник

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОЦЕНКЕ М.Н. ПРАВДИНЫМ ВЗГЛЯДОВ Ф. ДЕ СОССЮРА

При любом исследовании истории научной мысли следует принимать во внимание специфику времени, специфику методологии науки в эту эпоху и соответственно рассматривать положения той или иной статьи, монографии, теории в целом. Это относится, в первую очередь, к научным трудам советской эпохи, так как ученый не мог не испытывать давления идеологических факторов, в частности, диалектического материализма, и в самом ярком виде это проявлялось в работах теоретического плана. Избежать этого давления можно было только путем реинтерпретации марксизма или уходом в концепции несобственно-марксистские, но которые лежали в основе марксизма, например, гегельянство, позитивизм.

Такие свойства диалектического материализма, как объективизм (приписывание своему объекту свойств, независимых от познающего субъекта, а познанию – возможности отражать мир таковым, каков он есть, независимо от нас), субстанционализм (оперирование субстанциональными понятиями материальных предметов и производных от них идеальных сущностей, категориями сущности и явления, субстанции и формы), монизм (идея диалектического единства, нивелирующая все оппозиции и антиномии, в частности языка и речи, инварианта и варианта, сущности и явления, конкретного и абстрактного, содержания и формы, идиосинхронии и диахронии) объясняют недопонимание соссюрских теоретических положений языковедами советской эпохи, особенно теми, которые в силу идеологического давления вынуждены были ориентироваться в своих теоретических оценках концепции Соссюра на марксистско-ленинскую методологию. Стоит вспомнить также исключительный аподиктизм этой методологии, провозглашавшей учение Маркса (а фактически – его официальную советскую интерпретацию) единственно верным и совершенно исключающим другие, альтернативные решения. К тому же, анализ одной теории при помощи аппарата другой теории, особенно той, которая с методологической точки зрения совершенно не соответствует анализируемой, не приводит к конструктивной критике. А в случае с теорией Фердинанда де Соссюра и теорией диалектического материализма мы имеем дело с полной методологической противоположностью.

В монографии “Проблема конкретного и абстрактного в мышлении и языке” М.Н. Правдин, выражаясь словами В.И. Ленина, упрекает Соссюра в “наивной запутанности”, в отсутствии диалектичности при противопоставлении понятия и образа: “... противопоставляя понятие (абстракцию) и образ (чувственную сторону знака), Соссюр рассматривает их как две части, из которых составляется статичное целое – знак. В таком по сути дела механистическом соединении противоположностей действительно нет ничего диалектического. Соссюр, вероятно, и не претендовал на то, чтобы представить свой языковой знак как диалектическое единство противоположностей. Но понимание

противоположностей (абстрактного и чувственно-конкретного) как частей (компонентов) в составе целого как раз и свидетельствует о беспомощности, “запутанности” Соссюра в вопросе диалектики “понятия и чувственно-воспринимаемой реальности”. Такое понимание антидиалектично...” [1, с. 18-19].

Но стоял ли Соссюр на позициях диалектического материализма? Конечно, нет. Являлся ли Соссюр автором “Курса общей лингвистики”? Тоже нет. Правдин сам об этом говорит: “Разумеется, все сказанное здесь относится в основном к существующему каноническому тексту “Курса общей лингвистики” и в меньшей мере к самому Соссюру, поскольку, как мы теперь знаем, Соссюр не несет ответственности за многие положения приписываемого ему “Курса” [1, с. 25]. На работы Н.А. Слюсаревой “Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики” 1975 года [2] и А.А. Холодовича “О “Курсе общей лингвистики” Ф. де Соссюра” в книге “Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию” 1977 года [4] М.Н. Правдин ссылается, а именно в этих исследованиях авторы говорят о том, что Соссюр не автор “Курса общей лингвистики” [3].

В отличие от диалектического материализма, концепция Соссюра дуалистична, причем двояко: прежде всего, в аспекте пространственно-временном (дуализм языка и речи), а кроме того, в деятельно-опытном плане (дуализм содержательно-понятийной и предметно-сигнальной информации). Так, во-первых, у Соссюра язык и речь это не две стороны одной сущности – *langage* (языковой деятельности), а ее смежные составные: язык не реализуется постоянно и целиком в речи, а речь не сводится к функционированию языка, единицы языка не встречаются в речи и *vice versa*, у них различная природа, как пространственная, так и временная. То же касается второго дуализма – опытного. У Соссюра (как, впрочем, и у Канта, с которым его объединяет целый ряд положений) существенно разведены две принципиально отличные стороны человеческого опыта – чувственно-предметная (это область звука, фонетической фигуры, акустического образа, формы) и трансцендентально-рассудочная (это область предвербального понятия, значения). Понимание, что есть единство языка и речи в пределах языковой деятельности или

сейчас выделяют три основных подхода к пониманию концепта: первый подход, представителем которого является Ю.С. Степанов, большее внимание уделяет культурологическому аспекту; Н.Д. Арутюнова и её школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв и др. – семантическому содержанию языкового знака (т.е. лексическому значению как оно представлено в словарной статье), видя в нём единственное средство формирования содержания; сторонники же третьего подхода (Д.С. Лихачёв, Е.С. Кубрякова и др.) считают, что концепт возникает не непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения значения слова и личного и народного опыта человека [5, с. 32]. Также различные направления могут по-разному давать ответ на вопрос о том, считать ли концепт единицей индивидуального или национального сознания. Наиболее индивидуализирован концепт в трактовке психолингвистов (см., напр., А.А. Залевская. Психолингвистические исследования. Слово. Текст, 2005).

По своей внутренней форме термин *концепт* сходен с термином *понятие* (*концепт* является калькой с лат. *conceptus* – “понятие”). Не случайно в осмыслениях различных исследователей *концепт* и *понятие* часто предстают как однопорядковые явления (напр., Ю.С. Степанов рассматривал *концепт* как некоторую идею, включающую абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально оценочные признаки [8, с. 412], В.В. Колесов определяет *концепт* как сущность понятия [4, с. 19-20]). Однако, хотя термины *понятие* и *концепт* часто рассматриваются как однопорядковые, сейчас стали достаточно чётко дифференцировать эти термины. И наиболее важным отличием является то, что концепты – это лишь наиболее сложные и важные понятия, без которых трудно себе представить определённый текст, ситуацию, культуру, “они являются своего рода символами, эмблемами, определённо указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания” [5, с. 27-28].

Традиционно *понятие* рассматривается как “совокупность познанных существенных признаков”. Данное определение, как и определение *концепта* как “ментального образования” (В.А. Маслова), “оперативной содержательной единицы памяти”

чувств; акустический образ имеет чувственную природу, и если нам случается называть его “материальным”, то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары – понятию, в общем более абстрактному”, – цитирует Соссюра М.Н. Правдин, подтверждая свою мысль о запутанности соссюровских взглядов. И далее: “Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они – не абстракция; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализирующиеся в мозгу”, “Язык... есть явление по своей природе однородное – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны” [1, с. 16]. Но у Соссюра все психосоциально, а значит антропоцентрично – и язык, и речь, и значение, и форма, и понятия, и звуковые фигуры. И это все реальность в его лингвистической концепции. Для сторонников же субстанциализма реальность является объективной и материальной.

Все сказанное не полностью выясняло бы принципиальное отличие столкнувшихся здесь концепций (дуалистического реляционизма и монистического субстанциализма), если бы мы не учли ключевое отличие позиций Соссюра и Правдина (а фактически – позиций Канта и Гегеля-Маркса). Речь об антропоцентризме и объективизме. Соссюр многократно в своих работах подчеркивает зависимость объекта лингвистического познания (языковой деятельности, *langage*) от методологической позиции языковеда (фактически утверждает плюрализм теоретических и эпистемологических решений, а имплицитно – непознаваемость объекта взятого “в себе и для себя”): “Il faut dire: primordialement il existe des points de vue; sinon il est simplement impossible de saisir un fait de langage” [5, с. 19]; “Rappelons-nous en effet que *l'objet* en linguistique n'existe pas pour commencer, n'est pas d'itérminé en lui-même. Dis lois parler d'un objet, *nommer* un objet, ce n'est pas autre chose que d'invoquer un point de vue A d'itérminé” [5, с. 23]; “Immense cercle vicieux, qui ne peut être brisé”

qu'en substituant une fois pour toutes en linguistique la discussion des points de vue a celle des „faits”, puisqu'il n'y a pas la moindre trace de *fait linguistique*, pas la moindre possibilité d'apercevoir ou de déterminer un fait linguistique hors de l'adoption préalable d'un point de vue” [5, с. 24-25]. Более того, Соссюр открыто декларирует опытный характер языковой деятельности и психический характер языка (язык как функция памяти), при этом нигде не постулируя возможности существования коллективной памяти или коллективного сознания. Проблема социального единства языка, столь остро стоящая в марксизме, в антропоцентрическом реляционизме решается просто: язык – индивидуальное знание, умение и навык, существующие в виде способности в сознании у конкретного индивида, который сформировался как языковая личность в обществе (через воспитание и обучение) и является таковой тоже исключительно в обществе (т.е. для того, чтобы регулировать свои информационные отношения с другими людьми). Таким образом, для реляциониста и антропоцентриста не составляет особого труда объяснить, каким образом язык, будучи индивидуально-психологической функцией личностного опыта (по сущности), является социально-регулятивной функцией в каузальном и телеологическом плане.

М.Н. Правдин один из очень немногих ученых своего времени не остановился на просто упоминании или перечислении всем известного шаблонного набора терминов, понятий, фраз, которые считаются элементами теории Соссюра, – язык и речь, диахрония и синхрония, билатеральность знака, означаемое-означающее, значимость, акустический образ и понятие и т.д. Ученый углубляется в соссюрговскую концепцию, мастерски полемизирует с Соссюром, отстаивая свою методологическую позицию. Научная полемика, изложенная в монографии М.Н. Правдина, представляет собой интереснейший материал для исследователей соссюрговской лингвистической теории, поскольку с открытием “нового” Соссюра (после обнаружения черновика книги, написанного рукой швейцарского ученого) открывается широкое поле для его изучения, в том числе, сравнения с уже имеющимися интерпретациями концепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правдин М.Н. Проблема конкретного и абстрактного в мышлении и языке / М.Н.Правдин. – М.: Вдохновение, 1991. – 230 с.
2. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики / Н.А.Слюсарева. - М.: Наука, 1975. – 112 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: ОГИЗ, 1933. – 271 с.
4. Холодович А.А. О “Курсе общей лингвистики” Ф. де Соссюра” в книге “Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию” / А.А.Холодович. – М.: Прогресс, 1977. – С. 9-29.
5. Saussure F. de. *Ecrits de linguistique générale, établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler, avec la collaboration d'Antoinette Weil / F. de Saussure.* – Paris: Gallimard, “Bibliothèque des idées”, 2002. – 353 p.

М.П. Дидоренко

СТАТИЧЕСКАЯ И ДИНАМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНЦЕПТА

Термин *концепт* в лингвистике не новый. Ещё в 1928 г. С.А. Аскольдов в своей статье “Концепт и слово” подчёркивал, что вопрос о природе *концептов*, или, по средневековой терминологии, - *универсалий* – старый [5, с.31]. Однако, несмотря на это, слово *концепт* ещё не воспринималось как термин в научной литературе. Лишь в 80-х гг. XX в. в связи с переводами англоязычных авторов на русский язык возникает термин *концепт* как обозначение определенного рода ментальных единиц. Хотя этот термин достаточно прочно утвердился в современной лингвистике, он до сих пор не имеет общепринятого определения (ср. определения концепта в трудах Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, С.Е. Никитиной, В.Н. Телии, Р.М. Фрумкиной и др.).

Расхождения, в частности, связаны с различным видением роли языка в формировании концепта [5, с. 34]. На этом основании

определений, а процесс конструирования этих определений, связывание друг с другом различных “предметных” и словесных образов, т.е. не совокупность познанных признаков, а процесс создания этой совокупности, поскольку согласно психологическому и философскому подходу к мыслительной и языковой деятельности человека, мысль всегда процессуальна.

Чаще всего *концепт*, как ментальная структура, описывается в статике, как набор признаков. В динамике же признаки – это определения некоего “функционирующего образования” (А.А. Залевская), или закона, который объединяет различные признаки. Таким образом, с функциональной (динамической) точки зрения сами признаки являются определениями концепта, а не им самим. Данная модель концепта представляет из себя, на наш взгляд, более приближённую модель описываемого объекта и в более полной форме соответствует развивающемуся в настоящее время антропоцентрическому подходу к языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. – 352 с.
2. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. – М.: МГУ, 1999. – 348 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2001. – 177 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и Миф. – М.: Правда, 1989. – С.17-200.
7. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М.: Вдохновение, 1991. – 231 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры– М.: Школа Языки русской культуры, 1997. - 824с.
9. Фещенко В.В. К истокам русской концептологии: от Ю.С. Степанова к С.А. Аскольдову // Вопросы филологии, 2010, №3, С.116-117.

(Е.С. Кубрякова), “продукта человеческой мысли” (В.Н. Телия) – традиционно представляет *концепт/понятие* в статическом рассмотрении, без учёта рассмотрения мышления как процесса, а языка как деятельности. В данной статье представлена попытка рассмотреть категорию *концепт* с точки зрения функционального (динамического) подхода в языке.

В основу данного подхода, как одной из разновидностей антропоцентрического подхода, положена модель, учитывающая особенности реального функционирования текста в социуме и учитывающая данные не только лингвистики, но и других наук о человеке. А.А. Залевская отмечает, что «декларирующийся антропоцентрический подход к языку требует ориентации лингвистики на комплексный междисциплинарный подход, требующий сущностной реализации декларируемого тезиса о “человеческом факторе”» [2, с. 33].

Функциональное (динамическое) направление в языке, рассматривающее язык как деятельность, имеет длительную философскую традицию – “в сущности, не менее длительную и сильную, чем традиция упорядочивающего подхода к языку, хотя, быть может, в меньшей степени, чем последняя, ощущаемую в качестве единого направления” [1, С.20]. Наиболее ярким проявлением этого подхода в начале XIX века явилось учение В. Гумбольдта о языке “как духовной энергии, находящей уникальное творческое выражение в каждом акте употребления языка” (цит. по [1, с. 21]). Однако несмотря на то, что идеи Гумбольдта сохраняли высокую авторитетность на протяжении как большей части XIX, так и XX века, в конкретных описаниях структуры и истории различных языков они фактически не отразились. Наиболее интересным продолжением гумбольдтианского подхода к языку во второй половине XX века явились рассуждения Потебни о соотношении слова и образа [6]. Однако здесь “у рационалистически-позитивистского подхода оказывалось огромное преимущество, поскольку он опирался на громадную традицию описания языка в параметрах устойчивых, твердых, “закономерно” построенных форм: традицию, идущую от латинских грамматик поздней античности и века схоластики”,

поэтому “даже такие лингвисты, как Гумбольдт или Потебня, когда переходили к конкретным описаниям языкового материала, должны были пользоваться тем же понятийным аппаратом, тем же набором языковых единиц и категорий, что их философские антагонисты” [1, с. 22-23]. Функционализм как особое направление в библиопсихологии получил развитие в трудах Н.А. Рубакина, позже в психолингвистических исследованиях. Лингвофилософское обоснование этой парадигмы связано с идеями М.Н. Правдина. Практическое применение функционального подхода в области анализа художественных текстов осуществлено в работах учеников М.Н. Правдина.

С функциональной (динамической) точки зрения содержание текста и его единиц рассматривается как мыслительная деятельность реципиента в ходе восприятия формы текста. В процессе рецепции воспринимающий переходит от вербального линейного развёртывания текста к оперированию “предметными” образами (т.е. образами явлений, ситуаций внетекстовой действительности). Переход от восприятия линейно расположенных вербальных единиц текста к восприятию на уровне “предметных” образов и понятий представляет собой своеобразное “переструктурирование” текста, поскольку линейные связи между вербальными единицами не соответствуют связям между “предметными” образами. Таким образом, получается, что на образно-понятийном уровне единицами одной системы оказываются образы, которые генерируются вербальными единицами, не образуя синтагму, не связанными непосредственно друг с другом. Формирование систем “предметных” образов в процессе рецепции это и есть, по существу, процесс понимания текста – содержание с функциональной (динамической) точки зрения. Такие системы “предметных” образов могут быть названы *парадигмами*, а закон, по которому формируется парадигма – *понятием* в динамическом рассмотрении. При традиционном, “статическом” понимании этой категории, *понятие* – это набор существенных признаков, с динамической же точки зрения понятие процессуально: это не результат мыслительной деятельности, а сама мыслительная деятельность (как ходьба – не результат деятельности ног, а сама

деятельность – аналогия Э.В. Ильенкова), это осмысление, в ходе которого друг с другом связываются и объединяются в парадигмы различные “предметные” образы и словесные определения, хотя буквально понятие не заключается ни в словах, ни в “предметных” образах. М.Н. Правдин отмечает, что “отождествление понятия с определением приводит к мировоззренческому и лингвистическому нигилизму и плюрализму, т.е. к тому, что вообще смазывается представление о различии между истиной и заблуждением”, поскольку “невозможно никакую словесную экспликацию “содержания” понятия сделать единственной и обязательной для всех людей и для всех ситуаций, даже обосновав такую экспликацию самыми современными научными данными и подкрепив самыми очевидными доводами здравого рассудка” [7, С. 149-150]. Поэтому с функциональной точки зрения концепт (значимое для творчества автора или культуры понятие) – это не сумма его определений (словесных и предметно-образных), а формирование системы этих определений, связывание их, процесс понимания и осмысления, что есть, в конечном счёте, и содержание текста. Например, А.А. Залевская определяет концепт, как “спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера” [3, с. 39].

Однако примечательными в данном случае являются замечания о концепте, сделанные С.А. Аскольдовым ещё в 1928 г. (цит. по В.В. Фещенко [9]). С.А. Аскольдов объясняет, что концепт – это зачаточный акт. “Но если это только зачаточный акт, как возможна строгость и чёткость логических отношений в структуре концепта? Ответ – в динамической структуре концепта” [9, с. 116]. Аскольдов объясняет, что концепт – это “порождающий акт к возможным мысленным конкретностям”: “к примеру, когда кто-нибудь произносит слово *справедливость*, это значит, что произносящий производит некий мгновенный акт, служащий зародышем целой системы мысленных операций над конкретностями справедливых поступков” [9, с. 116].

Таким образом, концепт (как и понятие) с динамической точки зрения не “совокупность познанных признаков”, не “продукт человеческой мысли”, не сумма его вербальных и невербальных

Зоопарк
Не надо помнить, не надо ждать,
Не надо верить, не надо лгать,
Не надо падать, не надо бить,
Не надо плакать, не надо жить.

Я ищу таких, как я,
Сумасшедших и смешных,
Сумасшедших и больных е-е-е,
А когда я их найду,
Мы уйдём отсюда прочь,
Мы уйдём отсюда в ночь.
Мы уйдём из зоопарка.

О, бэби, бэби, ты простомышь,
Ты словно точка, когда молчишь,
Но вас так много, в глазах темно,
Я так хотел бы разбить окно.

Пустые звуки, пустые дни,
Вас слишком много, а мы одни,
В руках ребенка сверкает нож,
Но я надеюсь, что это ложь.

Евангелие
Зоркие окна...
Кто согреет зоркие окна?
Пожалей беззвучными словами
Своего оловянного Христа

Жадные пальцы...
Кто накормит жадные пальцы?
Обними голодными руками
Своего неспасённого Христа

М.В. Пехарева

О ФУНКЦИЯХ ПАРАДИГМ КАК ФАКТОРЕ, ВЛИЯЮЩЕМ НА ГЛУБИНУ ТЕКСТА

Филология “как наука о слове и искусство слова всегда была обращена к человеку, но именно в настоящее время в науке и в производстве человеческий фактор приобретает огромное значение” [1, с. 60-61]. Сегодня все большее внимание уделяется характеристикам текста, отражающим особенности восприятия текста человеком. Для учета этих характеристик необходим анализ текста с учетом сложности организации текста и вариативности его содержания. Представляется целесообразным разработать такую текстовую категорию, как глубина текста, определяющей степень сложности восприятия содержания текста, для теоретического описания интуитивных разграничений, возникающих в ходе восприятия текста. Все вышесказанное обуславливает актуальность выбранной темы.

В настоящей работе принимается точка зрения, согласно которой глубина текста является текстовой категорией, отражающей степень противопоставления языковых отношений отношениям мыслительным [8, с. 31].

Действительность не находит непосредственного отражения в материи текста. Текст как содержательная структура не существует вне процесса его создания или восприятия [5, с. 15]. Эффект подобия текста и действительности возникает лишь при восприятии текста на определенном уровне, при активной деятельности воспринимающего субъекта [7, с. 101]. Ведь восприятие, в первую очередь, следует рассматривать как активный процесс, а не пассивный акт, когда ум воспринимающего пуст и ожидает быть заполненным говорящим [9, с. 56].

Содержание, генерируемое одним и тем же текстом в сознании различных воспринимающих, обладает как чертами сходства, так и чертами различия. Стабильность, определенность границ вариативности обусловлена как постоянством формы текста, так и относительным совпадением жизненного опыта воспринимающих, прежде всего — их социального опыта.

Вариативность текста определяется как вариативностью исходных понятий, образов, эмоций, так и процессом переструктурирования, имеющим место в ходе восприятия текста [8, с. 32].

При восприятии текста реципиент переходит от текстовой синтагматики (воспринимаемые вербальные образы располагаются в линейной последовательности) к мыслительной парадигматике (“предметные” образы группируются в сознании в зависимости от выполняемых функций и черт сходства). И.А. Зимняя отмечала, что первоначально воспринимающий делает умозаключение о смысловом звене, а затем – о связях между смысловыми звеньями, после чего осуществляется фаза “смыслоформулирования”, которая “заключается для слушающего в обобщении результата всей этой перцептивно-мыслительной работы и переводе его на одну целую, нерасчлененную единицу понимания – общий смысл воспринятого сообщения” [4, с. 32–33]. Т.е. на языковом уровне вербальные образы объединяются в синтагмы, а на мыслительном уровне “предметные” образы объединяются в парадигмы (система мыслительных образов, объединяющая в систему слова, генерирующие данные “предметные образы”), установленные реципиентом связи между парадигмами определяют восприятие содержания текста. Синтагма “Кто согреет зоркие окна?”, включающая в себя четыре вербальных образов, генерирует парадигму Поиски спасителя (“Кто накормит жадные пальцы?”, “Кто поймает беглые тени?”, “Кто накажет круглое небо?”). Словесные парадигмы вычленяются на основе не языковых закономерностей (закономерностей, присущих системе вербальных образов), а мыслительных (закономерностей, присущих системе предметных образов, генерируемых вербальными образами).

При переструктурировании текст в сознании реципиента соотносится с действительностью, т.е. устанавливаются связи между вербальными образами (отражением формы слова в сознании человека) и “предметными” (образами явлений и ситуаций внетекстовой действительности). Но связи между вербальными образами в тексте и связи между генерируемыми ими “предметными” образами могут не совпадать [8, с. 33]. Существует гипотеза, согласно которой большая “степень

совмещения” одной системы с другой облегчает восприятие текст. Степень расхождения указанных связей и рассматривается как глубина текста. Данная текстовая категория не является оценочной. Например, в предложении “Кто накормит жадные пальцы?..” связи между вербальными образами устанавливаются на основе регулярной лексико-грамматической модели. Но соответствующие “предметные” не могут быть напрямую связаны между собой, т.к. такая связь противоречит жизненному опыту реципиента (пальцы накормить невозможно). Вербальные образы синтагмы генерируют “предметные” образы Страдания, Желания и Поиска, которые, вступая в связи с другими предметными образами, образуют парадигму “Поиски спасителя”.

Одним из параметров, влияющих на глубину текста, являются функции текстовых парадигм.

В зависимости от количества выполняемых функций парадигмы могут быть монофункциональными (выполняющими одну функцию в тексте) и полифункциональными (выполняющими несколько функций в тексте).

По характеру функции парадигмы можно разделить на проективные (создающие образ) и концептуальные (образующие понятие). Парадигмы в той или иной степени выполняют и проективные, и концептуальные функции, но часто побочной функцией можно пренебречь при анализе текста, т.к. степень проявления этой функции незначительна.

Цель данной статьи – установление влияния характеристик функции парадигмы на глубину текста. Материалом для данного исследования были выбраны произведения Егора Летова “Зоопарк” и “Евангелие” и Юрия Шевчука “Что такое осень?” и “Церковь”, во-первых, в связи с малоизученностью и значимостью творчества этих рок-поэтов для русской культуры конца XX – начала XXI веков, а, во-вторых, с тем, что интуитивно произведения “Зоопарк” и “Что такое осень?” обладают меньшей глубиной текста, чем “Евангелие” и “Церковь”, т.е. связи между вербальными образами в первых текстах и связи между генерируемыми ими “предметными” образами совмещаются в большей степени, чем во вторых.

Летова. Концептуальная функция данной парадигмы является превалирующей. Следовательно, первичная функция парадигмы – описание современного мира и человека, вторичная – формирование идеи “поиска спасителя”, третичная – формирование гиперпарадигмы Мы.

Парадигма Невозможность спасения (“Своего неспасённого Христа”, “Своего безнадёжного Христа”, “Задуши послушными руками//Своего непослушного Христа”) является полифункциональной парадигмой. Ее проективная функция незначительна. Концептуальные функции заключаются первично в создании идеи “обреченность”, а после через понятие обреченности формируется идея “недружелюбный мир”, которая формирует гиперпарадигму Они в творчестве Егора Летова.

В произведении “Зоопарк” функционирует гиперпарадигма Эскапизм (“Мы уйдем из зоопарка” повторяется рефреном, “Я так хотел бы разбить окно”). В ее рамках противопоставляются парадигмы Мы (“Сумасшедших и смешных, // Сумасшедших и больных”, “Мы уйдём”, “Мы одни”) и Они (“Но вас так много, в глазах темно”, “В руках ребенка сверкает нож”).

Функция парадигмы Эскапизм, противопоставляющей окружающий мир (парадигма Они) миру лирического героя (парадигма Мы), заключается в отражении невозможности существования в условиях “зоопарка” и необходимости бегства их него, подчеркивает иллюзорность бытия. Парадигма монофункциональна. Концептуальная функция заключается в создании идеи “бегство от действительности”, проективная функция незначительна, следовательно, ею можно пренебречь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что количество выполняемых парадигмой функций прямо пропорционально влияет на глубину текста, чем больше функций, тем больше глубина текста.

Также характер выполняемых функций парадигмы будет влиять на глубину текста. Сравним произведения Юрия Шевчука “Что такое осень?” и “Церковь”.

В ходе эксперимента было подтверждено интуитивное представление о том, что произведение “Что такое осень?” имеет меньшую глубину по сравнению с произведением “Церковь”. В

Беглые тени...
Кто поймает беглые тени?
Спеленай надёжными цепями
Своего безнадёжного Христа

Скользкие вены...
Скользкие тревожные вены
Поцелуй холодными губами
Своего зазеркального Христа

Круглое небо...
Кто накажет круглое небо?
Задуши послушными руками
Своего непослушного Христа.

Что такое осень?
Что такое осень – это небо.
Плачущее небо под ногами.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень – я давно с тобою не был.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень – я давно с тобою не был.

Осень, в небе жгут корабли.
Осень, мне бы прочь от земли.
Там, где в море тонет печаль –
осень темная даль.

Что такое осень – это камни.
Верность над чернеющей Невою.
Осень вновь напомнила душе о самом главном –
Осень, я опять лишен покоя.
Осень вновь напомнила душе о самом главном –
Осень, я опять лишен покоя.

Церковь
Я – церковь без крестов

Лечу, раскинув руки.
 Вдоль сонных берегов
 Окаменевшей муки.
 Я – вера без причин.
 Я – правда без начала.
 Ты слышишь, как вскричала
 Душа среди осин?
 Я – птица без небес.
 Я – каменное эхо.
 Полузабытых мест
 Печальная примета.
 Полночная Луна
 Мои бинтует раны,
 Да серые туманы
 Купают купола.
 Я – церковь без крестов
 Стекаю вечно в землю,
 Словам ушедшим внемлю
 Да пению ветров.
 Я – память без добра.
 Я – знанье без стремлений.
 Остывшая звезда
 Пропавших поколений.
 В душе моей темно,
 Наколки о изменах,
 Разбитое стекло,
 Истерзанные стены.
 А завтра я умру,
 Прольется дождь покоя.
 Из памяти уйду,
 Взорвавшись над рекою
 Для проверки интуитивного представления о том, что произведение “Зоопарк” и “Что такое осень?” имеет меньшую глубину, чем “Евангелие” и “Церковь” был проведен эксперимент среди 20 студентов-филологов 2-ого курса, которым было предложено ответить на вопросы об их восприятии и понимании основных идей текстов.

Восприятие содержания произведения “Зоопарк” разными реципиентами варьировалось в незначительной степени. Идея произведения определялась следующими образами: “побег из рамок, диктуемых обществом”, “уйти из зоопарка”, “вырваться из сумасшествия бытия”.

Восприятие произведения “Евангелие” представилось затруднительным для участников эксперимента. Часть испытуемых не смогла определить идею произведения, восприятие остальных варьировалось в высшей степени: “пропаганда насилия”, “возвышение Христа над людьми”, “покаяние”, “осветление основных человеческих пороков”.

Соответственно, экспериментальные данные подтвердили предположение о том, что произведение “Зоопарк” обладает меньшей глубиной, чем произведение “Евангелие”, т.к. степень вариативности содержания последнего оказалась большей.

Произведение “Евангелие” строится на антиномии двух основных парадигм Поиски спасителя (“Зоркие окна – // Кто согреет зоркие окна?”, “Жадные пальцы. // Кто накормит жадные пальцы?”, “Беглые тени. // Кто поймает беглые тени?”) и Невозможность спасения (“Своего безнадёжного Христа”, “Своего неспасённого Христа”, “Задуши послушными руками // Своего непослушного Христа”). Другие парадигмы произведения функционируют в рамках этой антиномии (Окружающий мир (“Зоркие окна”, “Круглое небо”), Человек (“Жадные пальцы”, “Скользкие вены”), Обреченность (“Спеленая надежными цепями”, “Задуши послушными руками”).

Функции парадигм текста заключаются в создании противопоставления, которое не находит решения в рамках данного текста. Это антиномия двух тесно связанных миров, реального и желаемого, временами перетекающих друг в друга.

Парадигма Поиски спасителя является полифункциональной. Проективная функция данной парадигмы заключается в описании современного мира и человека (“Зоркие окна”, “Круглое небо”, “Жадные пальцы”, “Скользкие вены”). Из проективной функции проистекает концептуальная функция, заключающаяся в формировании идеи “поиска спасителя”, а впоследствии формирует гиперпарадигму Мы в творчестве Егора

сам тяжело больной, приехал в жару разбирать папины бумаги. Кстати, именно Павел навестил в больнице папу за два дня до смерти. Они обсуждали учебники по языкознанию, над которыми папа работал, – “Философия для лингвистов” и “Введение в языкознание”.

У папы сохранилось большое количество писем, открыток, стихотворных посланий от друзей, коллег, однокурсников, студентов. Отца уважали и любили. На его лекции на ФПК в РУДН помимо слушателей приходили посторонние люди.

Я открыла для себя его удивительные рисунки и стихи. Находясь в эвакуации, 14-15-летним подростком папа увлекся рисованием и стал мечтать о том, чтобы поступить в художественную школу. Удивительно, что такой юный человек точно подмечал главное в герое и отражал это в рисунке. Лично мне нравятся все его рисунки – и ранние, военной поры, и более поздние, и прекрасные ироничные шаржи, и натюрморты, и карандашные портреты, и иллюстрации к произведениям Салтыкова-Щедрина, Помяловского, Чехова. В эвакуации папина семья жила в нищете, и многие рисунки сделаны на обратной стороне рецептурных бланков из аптеки города Свердловска.

Папа был разносторонне одаренным человеком. У него были золотые руки. В эвакуации Николай Сергеевич, папин отец, уже тогда доктор наук и профессор-токсиколог, и папа подрабатывали тем, что чинили сотрудникам института электроплитки и другую аппаратуру. В кабинете рядом с рабочим столом стоит верстак, на котором папа изготавливал разные красивые и необычные вещи – например, шахматы – а также необходимые предметы для дома. В один из наших дачных сезонов он сделал прекрасную байдарку из прутьев орешника и дерматина, на которой торжественно плавал по Москве-реке. К велосипеду с мотором он подсоединил коляску от мотоцикла и катал нас по окрестностям. Мы были в восторге.

В 1990 году папа купил в старинном городе Белёве дом, который он очень любил. Дом располагался в самом лучшем месте города, на высоком берегу Оки. Из окна открывался прекрасный вид на реку и заливные луга. Рядом с домом

эксперименте приняло участие 10 студентов-филологов 2-ого курса. Испытуемым было предложено определить идею анализируемых произведений. Студенты, принявшие участие в эксперименте, охарактеризовали идею произведения “Что такое осень?” как: “размышления об осени”, “осенняя пора жизни человека”, восприятие содержания произведения “Церковь” варьировалось в большей степени: “людское существование”, “христианство”, “невозможно правильно поступать”, “пессимистическое видение действительности”. Для некоторых испытуемых оказалось затруднительным определение идеи произведения “Церковь”.

В произведении “Что такое осень?” функционирует гиперактуальная парадигма Осень, основная функция которой носит проективный характер, создание образа осени (“Плачущее небо”, “разлетаются птицы”, “темная даль”).

Основная парадигма произведения “Церковь” выполняет концептуальные функции, участвует в создании понятия действительность (то, как есть, и то, как должно быть): “Я – церковь без крестов”, “Я – птица без небес.// Я – каменное эхо”, “Полузабытых мест// Печальная примета”.

Таким образом, характер выполняемых функций влияет на глубину текста, если доминантой является концептуальная функция парадигм, то глубина текста будет больше, чем в том случае, если ведущая функция парадигм – проективная.

Закономерность взаимосвязи характеристики функции парадигм и глубины текста, установленная на примере этих двух произведений, будет справедлива и для других текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. Пособие – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
3. Валуйская О.Р. Глубина текста как лингвистическая категория (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: 2002. – 21 с.
4. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения как сложная перцептивно-мыслительно-мнемическая

деятельность // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976. – С. 5-33.

5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение 1969. – 214 с.

6. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков. / Теория и практика речевых исследований. – М., 1999. – С. 68-82.

7. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста // Сб. научных трудов/МГПИИ им. М. Тореца. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 91 – 102.

8. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики). – Харьков: ХГПИ, 1991.– 189 с.

9. Kess J. F. Psycholinguistics: psychology, linguistics, and the study of natural Language. Amsterdam/Philadelphia, 1993. - p. 298

ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ПРАВДИНЕ

Е. Мишиева

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Нам с сестрой Аленой очень повезло, что у нас были такие родители. У нас было потрясающе счастливое детство. Мы получили прекрасное образование. Папа уделял нам очень много времени – в ущерб, как я сейчас понимаю, своей работе.

Родители были удивительно гармоничной парой. Трудностей хватало, но они были по-настоящему счастливы. Недаром папа на юбилей их свадьбы подарил маме, помимо всего прочего, открытку, в которой написал: “Моей любимой Наташеньке, с которой мы вместе пьем коньяк жизни”.

Мои родители безумно много работали. Но, несмотря на это, они встречались с друзьями, ходили в театр, музеи, ездили в интереснейшие поездки и, разумеется, читали. Папа собрал прекрасную библиотеку: книги по психологии, философии, лингвистике, математике. Каждая из них прочитана отцом, в каждой есть пометки, сделанные его рукой.

После смерти папы мы решили оставить в его комнате все как есть. У нас рука не поднимается что-нибудь поменять в ней. Эта комната хранит воспоминания о встречах папы с его аспирантами, ставшими его друзьями. В 2006 году ныне покойный Павел Карезин, бывший папин аспирант, приехал к нам помочь разбирать папины бумаги. Когда он вошел в кабинет, то с облегчением сказал: “Ну, слава Богу. Все осталось, как было”. Меня тронуло такое отношение к памяти отца.

Павел рассказал, что у отца были неприятности с начальством в Институте языкознания АН СССР из-за его независимой позиции по отношению к господствовавшим взглядам на языкознание. По его словам, папа был философ-лингвист, опередивший свое время и имевший абсолютно самостоятельный подход к науке. Спасибо Павлу за то, что он,

лекции С.И. Радцига, Н.К. Гудзия, С.М. Бонди, Р.А. Будагова, семинары Н.И. Либана, В.Н. Турбина, капустники, стенгазеты, студенческий театр, пародии на преподавателей, встречи с известнейшими поэтами и писателями...). Думаю, отстраненность от бурлящей жизни на факультете объясняется не столько возрастом (он был на 4 года старше своих однокурсников), сколько особенностями его характера и, если угодно, самодостаточностью. У него был широкий круг интересов: делал деревянные поделки, смастерил специальный станок для вытачивания и отшлифовки собственных изделий; хорошо рисовал (кстати, портрет матери, написанный им в эвакуации, напечатан на титульной обложке книги О.В. Правдиной “Воспоминания из прожитой жизни (личной и педагога-дефектолога-логопеда)"); увлекался не только художественной, но и научной и философской литературой.

Читал основательно, делая карандашом пометки либо прямо на книге, либо записывая комментарии на разрозненных листах, листочках, клочках... На днях, сортируя бумаги Михаила Николаевича и подготавливая их к возможной печати, его бывший аспирант П.А. Карезин, обратив внимание на эти пометки, сказал: “Вот вам и еще один Правдин! Правдин – педагог, Правдин – языковед, Правдин – философ – ведь это все разные Правдины!!! И каждого можно и нужно изучать отдельно!” Как же верно было подмечено! Он, Михаил Николаевич Правдин, действительно многогранен. Но главное – везде основателен, последователен и бескомпромиссен, когда затрагивались его убеждения. Этому он учил и нас, своих аспирантов. Он учил нас не бояться высказывать свое мнение даже тогда, когда приходилось дискутировать с именитыми коллегами. Помню презентацию книги одного нашего известного профессора (это происходило в УДН им. П. Лумумбы, где Михаил Николаевич работал на кафедре языкознания с 1964 года). Вальяжный, ни в чем не сомневающийся профессор был просто обескуражен, когда “правдинская группа” прямо-таки обрушилась на него не просто с уточняющими вопросами, а с постраничными указаниями на противоречия и несоответствия (в протокол было внесено 16 замечаний, которые автору необходимо было учесть при переиздании книги). Правдин был нами очень доволен, а “заводной”, тогда еще не очень солидный

возвышается стела с надписью о том, что на этом месте стоял дом В. Жуковского, который родился в селе Мишенское недалеко от Белёва. В доме папа обустроил прекрасную мастерскую, а в его комнате стояли до блеска начищенные старинные тульские самовары.

Папа не был сухим ученым. Он был жизнелюбивым, остроумным, порой ироничным. В юности любил гонять на мотоцикле, ходил с отцом на охоту.

В 1979 году я вышла замуж и зажила своей жизнью, встречалась с родителями не так часто, как хотелось бы. Но родители всегда оставались для нас с сестрой эталоном порядочности, доброты и открытости.

Я хотела бы упомянуть еще о замечательном тандеме – Миша большой и Миша маленький. Дед и внук были поистине созданы друг для друга. Миша, сын моей сестры Алены, прожил с дедом и бабушкой с пяти лет до женитьбы. Они вложили душу в воспитание Миши и оказали большое влияние на его личность. От природы очень одаренный мальчик, Миша вырос эрудированным, интересным, неординарным человеком.

Для нас с Аленой наш папа был идеалом отца. Повзрослев, мы говорили друг другу: хорошо бы, чтобы наши будущие мужья хоть немножко были похожи на него.

Папа рано ушел, и нам очень не хватает его, мамы и Алены. Мои родители были изумительной души люди, как сказала мамина приятельница.

В бумагах отца я нашла приглашения на международные лингвистические конференции в город Харьков, где он выступал с докладами. Для него эти поездки были очень важны. Даже болезнь не могла помешать папе. Он возвращался в Москву с необыкновенно позитивным настроением. Папа рассказывал нам о прекрасных людях, которые его принимали в Харькове, – об Иване Ивановиче Степанченко и его семье. Эта дружба продолжалась до папиной смерти.

Наша семья очень благодарна Ивану Ивановичу за бережное отношение к памяти отца и за всю работу по изданию этой книги.

Л.Н. Чальян

ИНТЕРВЬЮ С М.Н. ПРАВДИНЫМ

– Михаил Николаевич! Вот вы говорите, что на абстрактное и конкретное нельзя указать пальцем, сказав: это абстрактное, а это конкретное. А как же быть с искусством? Разве нет видимой разницы между картинами, например, Репина, Шишкина и Айлера Вилла или Ерика Хоппе, скульптурами В. Мухиной и Хеннингса и Ерика Тмесена? Ведь не секрет (я ссылалась на программные утверждения Мишеля Сафора, Марселя Бриона, Эда Рейнхарда – и это в те плюскамперфектные времена, когда у нас бульдозерами уничтожали выставки “отбившихся” художников!), что абстрактная картина беспредметна, она вне времени и пространства, а художник-реалист тщательно выписывает не только предметы, но и ворсинки на ткани. Разве на это я не могу “указать пальцем”?

М.Н. Правдин, как обычно, слушал не перебивая. Слушал серьезно, и лишь глаза лукаво (именно лукаво, а не надменно) улыбались.

– А как Вы посмотрите вот на такой факт...

И он рассказал историю о том, как на одной престижной выставке в Канаде первую премию присудили канадскому художнику за картину под названием “Родина”. Это было огромное полотно, на котором, кроме разбросанных черных и белых пятен разной формы, ничего не было. Сторонники “социалистического реализма” картину ругали. Но вот однажды зимой болгарский искусствовед, когда-то раскритиковавший названную картину, случайно увидел из окна самолета свою собственную страну. С высоты птичьего полета были видны лишь белые пятна снега и черная, не покрытая им земля. Так что... не следует эту важнейшую проблему (абстрактного и конкретного) сводить к наивно-реалистическим представлениям. Очень важно осмыслить ее в плане объективного познания и действительности, и языка, и мышления...

Во время этого разговора я и понятия не имела о том, что

вопросы, которые я ставила М.Н. Правдину, совсем недавно волновали и его самого (вот, оказывается, почему так лукаво улыбались глаза!). В 1943 году Михаил Николаевич (ему тогда было 15 лет) поступил в среднюю художественную школу. Он увлекался французским импрессионизмом (особенно Ван Гогом) и древнерусским искусством. Разумеется, эти интересы противоречили программе художественной школы. Пришлось уйти. Интересно, что уже в то время одаренного молодого человека мучила проблема – Почему изобразительное искусство не копирует реальный мир? На том уровне знаний разрешить эту проблему было невозможно, но именно тогда, по признанию самого Михаила Николаевича, в нем родился философ.

Позже была предпринята еще одна попытка продолжить занятия в этом направлении. М.Н. Правдин пробует поступить на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ, но принят не был по двум причинам: 1) на собеседовании в качестве своего любимого художника назвал Ван Гога; 2) не состоял в рядах ВЛКСМ (интересно, что отцу Михаила Николаевича – доктору медицинских наук профессору Николаю Сергеевичу Правдину, стажировавшемуся в Гейдельбергском университете у профессора Готтлиба и физиолога Шмидеберга – беспартийность не помешала получить орден Ленина и другие награды за создание оригинального направления в теоретической и экспериментальной промышленной токсикологии, а матери – Ольге Владимировне Правдиной (Немыцкой) – стать одним из ведущих научных сотрудников кафедры психопатологии и логопедии МГПИ им. Ленина).

Не попав на исторический факультет, Михаил Николаевич Правдин в 1950 г. подал документы на филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Выбор объяснялся любовью к литературе. Читал запоем (любимым героем в детстве был Буратино, затем Тиль Уленшпигель), не представляя, как можно жить без книги. Вероятно, поэтому, желая добра любимой няне Поле – неграмотной женщине из захудалой Тульской губернии, – он научил ее читать и писать. Годы обучения на филфаке, по его словам, не были отмечены яркими впечатлениями (хотя для многих сокурсников и для нас, следующего поколения, ярким было все:

деятельности осуществляется переход от противоречивого по природе предметного мира через мышление к языку и обратный переход. В рамках “Введения в науку о языке” практический ракурс указанных проблем видится им во всестороннем анализе прежде всего процесса речевого общения.

Или другое общеизвестное утверждение: “Язык и мышление образуют единство, т.к. без мышления не может быть языка и без языка не может быть явления” (А.А. Реформатский, “Введение в языковедение”, издание пятое, 1996, с. 15). Правдин-логик и тут включается в обсуждение. Тезис о единстве языка и мышления, с его точки зрения, необходимо ведет к выводу: либо способов мышления и, следовательно, способов “понимания человеком действительности” столько же, сколько существует языков (а их в мире более пяти тысяч), либо при условии единства (общности) человеческого мышления (и, следовательно, общности “понимания человеком действительности”) необъяснимо, почему языки такие разные.

В 1982 г. профессор В.З. Панфилов пригласил М.Н. Правдина в группу философских проблем языкознания Института языкознания АН СССР, где Михаил Николаевич проработал 10 лет. Казалось бы – времена изменились, по стране шагает “перестройка”, наступает “эра демократии и свободы слова”, но... стоило только М.Н. Правдину высказать свою точку зрения на господствующие (и по сей день) семиотические взгляды на язык, как...И на этот раз пришлось покинуть Институт.

С 1992 года Михаил Николаевич был занят преподавательской деятельностью в двух университетах – на гуманитарном отделении Московского государственного университета леса (бывший Лесотехнический институт) и на факультете иностранных языков Университета Российской академии образования. Все это время он накапливал материалы для своего собственного учебника по введению в языкознание, дорабатывал уже написанную (но не защищенную) докторскую диссертацию, проводил лингвистические исследования в группе “Язык и человек” в составе Российской Народной Академии наук, в издательстве которой он выпустил свою монографию “Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке”. К числу реально

И.И. Степанченко (теперь он доктор, профессор...) предложил отметить это событие. Было ощущение победы не над кем-то, а, скорее, над собой: вот, мол, мы какие стали! Остальные аспиранты в обсуждении практически не участвовали.

У многих сложилось не очень точное, на мой взгляд, представление о Михаиле Николаевиче: тихий, спокойный...

Корректный, всегда подтянутый, чуть-чуть франтоватый (в бархатном пиджаке) – это да! Но вот “тихий”, “спокойный” – это только внешне. В споре он был настойчив, иногда упрям (чем непомерно раздражал многих), иногда нарочито эпатажен (зная, что “дразнит” кого-то из присутствующих, – нет чтобы промолчать! – заявлял: “Ленина считаю крупнейшим философом XX века”).

И еще одно качество в характере Михаила Николаевича считаю необходимым отметить – это нравственность в ее абсолютном понимании. А это значит: высшая степень ответственности, чувство долга, редкостная правдивость (как же ему подходит его фамилия!). Эти качества Михаил Николаевич унаследовал от своих родителей. Приведу, чтобы не быть голословной, интересный для сегодняшнего дня пример. В классе, где преподавала мать Михаила Николаевича, Ольга Владимировна, учился сын наркома просвещения Покровского. Мальчик не успевал по русскому и по арифметике. Ольга Владимировна вызвала в школу отца ребенка (наркома!), чтобы договориться об организации помощи при выполнении домашних заданий. Пикантность ситуации заключалась в том, что именно Покровский подписал постановление, запрещавшее задавать детям домашние задания. Коллеги Ольги Владимировны подсмеивались над ее решительностью. Но каково же было удивление всех, когда Покровский, скромно выслушавший доводы учительницы, все-таки принял положительное решение. Справедливости ради следует сказать, что Ольге Владимировне не всегда удавалось брать верх. Так, среди ее учеников находились два сына Льва Троцкого. Вели они себя безобразно. Учителя были беспомощны. И тогда Ольга Владимировна решила уйти из школы. Благо было куда. Объявили набор учащихся на годичные курсы дефектологов, во главе которых стоял знаменитый профессор В.А. Кашенко. Так

случай определил судьбу этой женщины, стоявшей у истоков отечественной дефектологии и логопедии, работавшей впоследствии под руководством профессора Ф.А. Рау и известнейшего врача-логотерапевта Ю.А. Флоренской. Случай случаев, но в сознании сына Ольги Владимировны крепко засело убеждение: не можешь справиться с проблемой – не топчись на месте, ищи выход, не обязательно перечеркивать весь пройденный путь, найди ту точку, от которой можно выстраивать новый, нетупиковый вариант (именно такую стратегию решения геометрических задач разработал математик Пойя – румын по национальности, американец по гражданству). Михаил Николаевич настоятельно советовал своим аспирантам познакомиться с работами Пойи. Не потому ли Пойя был так понятен Михаилу Николаевичу, что еще до Пойи Правдин пришел к тем же выводам? Не раз за свою жизнь приходилось Михаилу Николаевичу искать новую “точку отсчета” и новые пути: после окончания филфака был рекомендован в аспирантуру, но потом почему-то отправлен в распоряжение куйбышевского ОБЛОНО, где ему предложили место учителя в степном селе, куда отказывались ехать местные учителя; поступил в аспирантуру Куйбышевского педагогического института, проучился два года, но продолжать работу по ряду причин пришлось в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина. Но и здесь не все было просто: не сложились отношения с руководителем. Руководитель (С.Е. Крючков) требовал, по словам М.Н. Правдина, собирать “факты” (“факты покажут”), а строптивый аспирант не хотел “идти на поводу” фактов и становиться своеобразным учетчиком (есть и такие диссертации, например, по подсчету союзов или запятых в творчестве того или иного поэта!). Пришлось уйти по собственному желанию. Тему передали другому аспиранту, который, безропотно следуя советам своего руководителя, рассчитывал на безоблачную защиту. Но не тут-то было! Правдин явился на защиту и, что называется, разбил диссертанта “в пух и прах”. В этом поступке – весь Правдин! Не подумайте, что он наивно полагал, будто его выступление повлияет на исход защиты. Просто по-другому поступить он не мог! Это его позиция: не согласен – скажи, спорь, борись! (Сколько раз по жизни я

вспоминала Бруно *** : “...Бойтесь молчаливых! Ибо с их молчаливого согласия совершаются все подлости и убийства на Земле”).

Тем не менее предложенная С.Е. Крючковым тема сыграла в научной судьбе М.Н. Правдина важную роль. Тогда, готовясь к защите, Михаил Николаевич серьезно занялся проблемами логики и грамматики, что, по его словам, открыло ему дорогу в проблему языка и мышления. Именно с этих позиций в 1968 г. он защитил в УДН им. П. Лумумбы кандидатскую диссертацию на тему: “Синтаксические конструкции с “обобщающими словами” при однородных членах предложения”. Приведу фрагмент отзыва на диссертацию М.Н. Правдина профессора Г.В. Колшанского: “Автор...поставил своей задачей не только еще раз проанализировать само явление в русском языке как таковое, но попытался построить теоретическую концепцию, которая бы объясняла саму сущность обобщающих слов при однородных членах в современном русском языке. В связи с такой постановкой вопроса тема диссертации приобретает общеграмматический аспект. В диссертации М.Н. Правдина ставится проблема нового объяснения явления однородных членов и особенно обобщающих слов...” Вот так всегда: берется за якобы известное, а предлагает нечто новое, другой подход, другое видение проблемы. Взять хотя бы традиционное словосочетание “введение в языкознание”, предполагающее, что “введение в” – это азы, которые достаточно усвоить, чтобы понять саму науку. М.Н. Правдин же, начиная свой курс “Введение в науку о языке”, прежде всего разъясняет, что введение в науку есть не что иное, как определение смысла, сущности науки через определение ее объекта. Изучение “азов” происходит на какой-то другой, стартовой, площадке. Введение же в науку о языке призвано объяснить место и роль языка (и тем самым его суть) в мыслительной и предметной деятельности человека. Это означает, продолжает разъяснять М.Н. Правдин, что “введение” в языкознание есть, по существу, одна из сторон “Введения в современное человековедение”. Следовательно, делает он вывод, языкознание – одна из самых трудных для осознания и изложения наук: объяснить происхождение и функционирование языка – значит объяснить, как в человеческой

строить со второго этажа.

Профессор Михаил Николаевич Правдин до конца своей жизни выступал с лекциями и научными докладами на лингвофилософские темы. И не только в России. Он участник 10 научных конференций, которые проводились в украинском городе Харькове на базе Харьковского национального педагогического университета. Каждого его приезда в Харьков ждали. Ждали в вузах, где он выступал с лекциями для преподавателей, ждали аспиранты и докторанты, которых он консультировал, ждали еще одной встречи с шефом его уж постаревшие ученики и друзья.

Мне довелось пять лет работать в Китае. И здесь, в крупнейшем китайском вузе – Цзилиньском университете, у Михаила Николаевича тоже появились ученики и почитатели. Ни один мой курс не слушали в Китае с таким интересом, как курс о прагматике текста, основанный на идеях Михаила Николаевича. Его книжка “Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке” в нарушение всех издательских прав ксерокопировалась несчетное количество раз и преподавателями, и аспирантами.

А раз так, значит, все-таки после смерти есть жизнь. И жизнь Михаила Николаевича продолжается в благодарной памяти учеников, в развитии его идей новыми поколениями ученых.

Т.Я. Анохина

ВСПОМИНАЯ О МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ПРАВДИНЕ ...

Писать о человеке, который сформировал твои научные взгляды, тебя как преподавателя и, в известной мере, как личность очень сложно, поскольку невозможно во всей полноте изложить на бумаге все то, что переполняет твою душу: тепло, которое до сих пор ощущаешь, вспоминая о нем; ту благодарность, которую испытываешь к этому человеку, потому что только через много лет можешь осознать, ЧТО он дал тебе; и ту гордость, которая охватывает от осознания того, что тебе так повезло и ты имела счастье работать с ним.

выполненных им научно-исследовательских тем он отнес следующие:

“Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке”,

“Проблема языковой и мыслительной правильности”,

“Логика и грамматика”,

“Анализ содержательной структуры текста”,

“Теория языка и методика его преподавания”.

И последнее. О Правдине-педагоге. Его лекции собирали такое количество слушателей, что мест порой не хватало. Привлекала неординарность, глубина суждений, знание предмета, колоссальная эрудиция (обсуждались: исследования Л.С. Выготского и А.Р. Лурии в области высших психических процессов, техника рисунка в Древнем Египте, исследования Уорфа структурных особенностей языка, сравнительно-культурологические исследования М. Коул и С. Скрибнер, японские трехстишия – хокку, и..., и...). Спасибо за все, дорогой Учитель!

И.И. Степанченко

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПРАВДИН

Памяти Учителя

Мы познакомились почти тридцать лет тому назад. Это было на лекции по содержательной структуре текста в Университете дружбы народов, где я, тогда начинающий преподаватель РКИ, учился на факультете повышения квалификации. Михаил Николаевич читал лекции, как всегда, блестяще. Его лекции можно было сравнить с произведениями искусства. И говорил он, казалось, не о глубинах науки, а о простых житейских вещах, которые нужно как-то осмыслить, связать друг с другом.

Правда, тогда меня удивило не это. Парадоксальные суждения и выводы лектора казались странными по сути. “В сущности, в тексте, строго говоря, нет никакого содержания.

Мысли, образы, эмоции никогда не покидают человеческую голову, и их связь с буквенно-звуковой стороной не объясняется ни теорией кодирования, ни семиотикой в целом. Проводя границу между категориями мышления и языка в соответствии со сложившейся традицией, мы отождествляем эти категории, смешиваем понятия и их определения, конкретное и абстрактное”. Все это вызывало тогда не просто неприятие, а какое-то раздражение. И я, вооружившись идеями современных и классических корифеев, “ничтоже сумняшеся” ринулся в бой. Михаил Николаевич не рассердился и даже не удивился моей гневной тираде в защиту семиотики. Он только спросил, есть ли у меня время вечером и не соглашусь ли я продолжить этот разговор у него дома за чашкой чая. Конечно, тогда я не думал, что и этот кабинет, и этот гостеприимный дом, в котором хозяйничали Михаил Николаевич и его жена Наталия Федоровна, станут для меня родными на десятки лет. А сам Михаил Николаевич превратится в шефа, как мы, аспиранты, его любовно именовали. Что его идеи постепенно станут нашими убеждениями и будут по мере наших скромных сил развиваться в науке. Что после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации мы станем друзьями и будем ездить друг к другу в гости, долго беседовать по вечерам, перезваниваться по телефону. Как не хватает сейчас всего этого...

Михаил Николаевич учил нас не просто лингвистике и, может быть, меньше всего лингвистике. На занятиях его семинара мы говорили о нашей науке как о части человековедения. Общения с Михаилом Николаевичем и было человековедением в самом высоком – не только научном, но и житейском смысле.

Судьба Михаила Николаевича сложилась нелегко. Его идеи не признавались официальной лингвистикой. Иногда из-за нежелания разобраться в их сути, иногда из-за нежелания пересматривать собственные взгляды, иногда... Трудно сказать, что и сегодня эти идеи популярны, хотя у нас, его учеников, появились уже свои ученики, опубликованы книги, масса статей. Нас всегда покоряла его убежденность, вдохновенная вера в правоту защищаемых идей, нежелание идти на малейший компромисс. Для этого были нужны немалые силы. Михаил Николаевич был из тех, кто всегда в оппозиции. Это проявлялось

и в его политических взглядах, и в научных. А вот чего никогда не было – так это желания получить хоть какую-то материальную выгоду, возвысить себя.

Через 10 лет после защиты кандидатской диссертации я написал докторскую. Она тоже была основана на идеях шефа и, как мне казалось, отчасти развивала их в области парадигматического анализа художественных текстов. Защищал я ее в Киеве в год распада СССР. Конечно, Михаил Николаевич об этом узнал, позвонил мне и сказал, что приедет на защиту. Дело было, наверное, не только в дружбе, которая связывала нас. Михаил Николаевич следовал заповедям Экзюпери и чувствовал ответственность за меня. Он не просто приехал, а блестяще выступил на защите. И снова, как когда-то на защите кандидатской, я чувствовал себя уверенно: если шеф рядом, ничего не страшно.

Михаил Николаевич занимался философией языка. Можно сказать и по-другому – методологией лингвистики. В центре его внимания была лингвофилософская проблема связи языка, мышления и действительности – центральная проблема, определяющая границы той или иной лингвофилософской парадигмы. Решая ее, ученый старался построить не просто модель, лишенную внутренних противоречий, но модель, максимально отражающую свойства моделируемого объекта – языка в контексте человеческой деятельности. Для этого он обращался к данным разных наук – философии, психологии, физиологии, литературоведения, эстетики... Им написаны книги “Логика и грамматика” (М., 1973), “Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке” (М., 1991), статьи в “Вопросах языкознания” (1983, № 6), украинском журнале “Русская филология” (1999, № 3-4, 2004, № 1-2, 2004, № 3-4) и многие другие. Опираясь философскими категориями конкретного и абстрактного, Михаил Николаевич Правдин описывал основы лингвистического здания, его фундамент, то, что так необходимо современной науке. Часто исследователи, особенно начинающие, считают, что лингвофилософские работы относятся к специальной области науки и не имеют отношения к конкретным исследованиям. Труды Михаила Николаевича опровергают эту точку зрения, заставляют задуматься о здании, которое нельзя

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анохина (Зотова) Татьяна Яковлевна – кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Университета машиностроения (МАМИ)

Асанова Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, в 80-х гг. аспирантка М.Н. Правдина

Бурякова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Дидоренко Мария Павловна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Карезин Павел Алексеевич – старший преподаватель Астраханского государственного педагогического института

Максимов Юрий Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, декан подготовительного факультета Астрыбвтуза

Нестеренко Ксения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого

Пехарева Мария Владимировна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Мишиева Екатерина – переводчик, преподаватель Московского государственного лингвистического университета, дочь М.Н. Правдина

Присяник Оксана Петровна – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального экономического университета

Пушкарёва Елена Николаевна – старший преподаватель Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Степанченко Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Чальян (Стройчук) Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Московского государственного геолого-разведочного университета

С Михаилом Николаевичем Правдиным я познакомилась в 1976 году на кафедре общего языкознания Университета дружбы народов, аспиранткой которой я была. Прошел первый год обучения в аспирантуре, и волей судьбы я осталась без научного руководителя. До этого я знала только некоторые его научные труды и слушала лекции на ФПК РУДН, где Михаил Николаевич читал спецкурс “Логика и грамматика”. Набравшись смелости, я попросила его стать моим научным руководителем. Он ответил уклончиво, сказав, что у него уже есть договоренность о научном руководстве с будущими аспирантами из Харькова и Астрахани, однако не отказал совсем, а попросил показать все мои статьи, коих на тот момент было немного: всего две. В конце концов он стал со мной работать.

Надо сказать, что Михаил Николаевич очень серьезно относился к научному руководству аспирантами. Мы регулярно проводили научные семинары у него дома в неофициальной и приятной атмосфере, где все аспиранты по очереди рассказывали о результатах своих исследований и сообща обсуждали научные проблемы. Это была для нас отличная школа. Впрочем, как я поняла позже, Михаил Николаевич и стремился создать свою научную школу, хотя в те времена мне казалось, что это просто один из видов обучения, так сказать “погружение в науку”. Бывая у него дома, мы познакомились с его женой, дочерьми и маленьким внуком. Жена Михаила Николаевича была преподавателем английского языка института иностранных языков им. Мориса Тореза.

В те времена меня, молодую аспирантку, не могла не поразить в Михаиле Николаевиче одна черта его характера: исключительная научная принципиальность, бескомпромиссность. Он не терпел “всеядного” подхода к научным взглядам и фактам: и эта теория имеет право на существование, и это допустимо, и такая трактовка возможна. Разумеется, это было связано с его весьма четкими и продуманными представлениями о языке, мышлении и коммуникативном процессе в целом. Также понятно, что это было не всегда удобно окружению. Противоречия в моей диссертации он видел, что называется, “на раз” и учил меня самой видеть их. Так, он открыл мне глаза, что сочетаемость слов (а

значит, и валентность) зависят не только от лексико-грамматических свойств слова, но, в том числе, от логической “системы координат”. Когда я довольно безапелляционно заявила, что птица никогда не может “катиться”, он мгновенно определил эту возможную “систему координат”: если её подстрелил охотник и она упала на возвышенность, то... Динамика мысли у него была развита потрясающе, как и воображение (попутно замечу, что он окончил самую лучшую московскую художественную школу и прекрасно рисовал, в чем я не раз убеждалась). Однако самое удивительное, что строгая научная принципиальность сочеталась у него с потрясающей и такой не часто встречающейся в наше время чертой, как деликатность. Это, безусловно, было воспитано с младых ногтей в семье. Мать его была известнейшая личность в области дефектологии, она была профессором, основателем научной школы в логопедии, по её фундаментальным учебникам учились многие поколения будущих логопедов, кстати сказать, в том числе и моя коллега по кафедре Н.Л. Мельникова, которая закончила Педагогический институт им. Ленина более 50 лет назад. Эта его мягкость и деликатность вспоминается в связи с одним эпизодом. Однажды, читая мою статью, он в свойственной ему манере заметил, что я занимаюсь плагиатом: “А вот здесь мне бы хотелось видеть ссылку на такую-то мою работу”. Хорошо помню чувство стыда, которое охватило меня, хотя ничего резкого сказано не было. С другой стороны, работая над статьей, он однажды вполне серьёзно попросил меня разрешения сослаться на один пример из моего выступления на уже упоминавшемся ранее научном семинаре. Можно было бы возразить, что все это мелочи. Однако, как оказалось, именно эти мелочи и формировали нас, аспирантов, максимально приближали к науке в целом и к преподаванию словесности в частности.

К себе Михаил Николаевич относился с некоторой долей иронии. Вспоминается случай, когда я, пораженная остротой его мысли, не удержалась от восклицания: “Ну, Михаил Николаевич, вы, наверное, очень быстро написали свою диссертацию!” На что он, усмехнувшись, заметил: “Как известно, свою диссертацию я писал 8 лет”. Позже я узнала от его жены Натальи Федоровны, что он несколько раз переходил от одного научного руководителя

к другому, поскольку был не согласен с их научными взглядами и не желал переделывать свою диссертацию. Конформизмом он не страдал никогда и никогда не жил по принципу “чего изволите?”.

И в личной жизни тоже. Я уже упоминала о его матери, которая была весьма авторитетна и в семье. Однако Михаил Николаевич, вступая в брак, поступил, несмотря на все протесты матери, по-своему, пойдя наперекор всем обстоятельствам. Невзирая ни на что, он женился на женщине с двумя детьми, которых удочерил и воспитал как родных детей. В связи с этими обстоятельствами он испытал много бытовых и моральных трудностей в жизни. Но его исключительная стойкость духа помогла ему все преодолеть. Справедливость восторжествовала, и незадолго до своей смерти мать Михаила Николаевича по достоинству оценила поступок сына и, самое главное, Наталью Федоровну, сказав ей: “Я была не права, и Миша был с тобой счастлив”.

Вот эта твердость духа, стойкость характера, стойкость перед неодобрением со стороны других людей во имя научной идеи или во имя любви в сочетании с необыкновенной мягкостью и интеллигентностью, по моему мнению, главная отличительная черта моего дорогого УЧИТЕЛЯ. Именно это я старалась перенять у него, и всю жизнь я буду помнить, что он для меня сделал, и испытывать благодарность. В заключение хотелось бы привести слова М.Монтеня: “Подлинно разумное обучение изменяет и наш ум, и наши нравы”.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	4
Максимов Ю.М. Сланский и его “Грамматика”.....	6
Карезин П.А. Лингвистическое понятие “правильности/неправильности” как внутренне свойство языкового фактора.....	23
Асанова Н.В. Анализ функционирования антонимов семантического поля “ГРУСТЬ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ” в поэтической речи (на материале стихотворений А. Ахматовой и С. Есенина).....	28
Анохина Т.Я. О лексикографических параметрах как способе интерпретирования терминов в специальных словарях.....	38
Степанченко И.И. О метафоре в лингвистических дефинициях.....	53
Бурякова Е.С. , Пушкарева Е.В. Концепция речевой коммуникации М.Н. Правдина как основа классификации лингвокультурных лакун.....	60
Нестеренко К.В. О некоторых категориях художественного текста с позиции абстрактного и конкретного.....	73
Просьяник О.П. Некоторые методологические замечания к оценке М.Н. Правдиным взглядов Ф. де Соссюра.....	81
Дидоренко М.П. Статическая и динамическая природа концепта.....	87
Пехарева М.В. О функциях парадигм как факторе, влияющем на глубину текста.....	93
ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ПРАВДИНЕ	
Мишиева Е. Воспоминания об отце.....	103
Чальян Л.Н. Интервью с М.Н. Правдиным.....	106
Степанченко И.И. Памяти учителя.....	113
Анохина Т.Я. Вспоминая о Михаиле Николаевиче Правдине	116
Сведения об авторах.....	120

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	4
Максимов Ю.М. Сланский и его “Грамматика”.....	6
Карезин П.А. Лингвистическое понятие “правильности/неправильности” как внутренне свойство языкового фактора.....	23
Асанова Н.В. Анализ функционирования антонимов семантического поля “ГРУСТЬ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ” в поэтической речи (на материале стихотворений А. Ахматовой и С. Есенина).....	28
Анохина Т.Я. О лексикографических параметрах как способе интерпретирования терминов в специальных словарях.....	38
Степанченко И.И. О метафоре в лингвистических дефинициях.....	53
Бурякова Е.С. , Пушкарева Е.В. Концепция речевой коммуникации М.Н. Правдина как основа классификации лингвокультурных лакун.....	60
Нестеренко К.В. О некоторых категориях художественного текста с позиции абстрактного и конкретного.....	73
Просьяник О.П. Некоторые методологические замечания к оценке М.Н. Правдиным взглядов Ф. де Соссюра.....	81
Дидоренко М.П. Статическая и динамическая природа концепта.....	87
Пехарева М.В. О функциях парадигм как факторе, влияющем на глубину текста.....	93
ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ПРАВДИНЕ	
Мишиева Е. Воспоминания об отце.....	103
Чальян Л.Н. Интервью с М.Н. Правдиным.....	106
Степанченко И.И. Памяти учителя.....	113
Анохина Т.Я. Вспоминая о Михаиле Николаевиче Правдине	116
Сведения об авторах.....	120

Научное издание

ТЕКСТ И ЕГО ЕДИНИЦЫ
В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Сборник статей, посвященный
85-летию со дня рождения М.Н. Правдина

Составитель – И.И. Степанченко.
Редактор – В.А. Карлин
Технический редактор – Н.Ф. Цап
Корректор – С.Ю. Петрова

Сдано в набор 20 октября 2013 г. Подписано к печати 15 ноября 2013 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. 7,5 усл. печ. л.
Тираж 500. Заказ 1098.

“Українське видавництво”
Киев, ул. Дегтяревская, 34-36

Бахмачская типография
Бахмач, ул. Луначарского, 4

Научное издание

ТЕКСТ И ЕГО ЕДИНИЦЫ
В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Сборник статей, посвященный
85-летию со дня рождения М.Н. Правдина

Составитель – И.И. Степанченко.
Редактор – В.А. Карлин
Технический редактор – Н.Ф. Цап
Корректор – С.Ю. Петрова

Сдано в набор 20 октября 2013 г. Подписано к печати 15 ноября 2013 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. 7,5 усл. печ. л.
Тираж 500. Заказ 1098.

“Українське видавництво”
Киев, ул. Дегтяревская, 34-36

Бахмачская типография
Бахмач, ул. Луначарского, 4